

РУСКІЯ НА ДУНАЕ

И

НАЧЕРНОМЪ МОРЕ

ВО ВРѢМЯ ВОЙНЫ

Россіи съ Турцыею

1854 ГОДА

РУССКІЕ
НА ДУНАѢ И НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ,
ВО ВРЕМЯ
ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

РУССКІЕ
НА ДУНАѢ
И
НА ЧЕРНОМЪ МОРѢ,
ВО ВРЕМЯ
ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ.

Константинополь, столица Султана Турецкаго, взятъ будетъ безъ малѣйшаго кровопролитія, внутренніе матежи, междоусобія и непрестанныя безпокойства Турецкое государство въ конецъ разорятъ. Турки погибнутъ жалостнѣйшимъ образомъ.

Мартынъ Задека.

МОСКВА,
въ Типографіи М. Смирновой.
1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 26 дня 1854 года.

Цензоръ *М. Похвисневъ.*

Восточный вопросъ всѣмъ вскружилъ голову, а пуще всего Французамъ и Англичанамъ. Десятки тысячъ Турецкихъ головъ слетѣли отъ него съ плечъ; а Французскія и Англійскія головы приготовляются къ отвѣту на него подъ Русскимъ штыкомъ. Молодецъ Русскій штыкъ, никому не даетъ спуску. Кто-бы ни вздумалъ нежданно, непрошенно напасть на его матушку Русь православную. Такимъ то обра-

зомъ, наученные Франціей и Англіей, къ стыду Христіанскихъ державъ, вздумали тягаться съ нами Турки. — Послалъ нашъ православный Царь, заступникъ имени Христіанскаго, войска свои въ Молдавію и Валахію. Надобно-же было проучить ихъ, если они не слушаютъ словъ; и если ихъ спины забыли, какъ Русскіе ихъ прежде били. Вотъ, завидуя Русскимъ молодцамъ, вызвались помогать Туркамъ Французы, которымъ Русскіе уже въ двѣнадцатомъ году задали перцу, и Англичане, которые какъ всѣмъ извѣстно, любятъ въ мутной водѣ удить рыбу. Но Русскій солдатъ не свой братъ; это доказали Туркамъ Синопъ и Калафатъ, тамъ доказалъ имъ нашъ штыкъ, что онъ по десятку Турокъ нанизывать привыкъ. Теперь волей или не волей, выходи, Турка, сражаться въ чи-

стомъ полѣ, и радъ или не радъ, а пяться отъ Русскаго назадъ.

Во время этихъ событій, жилъ былъ въ городѣ Бирмингамѣ нѣкто Копперфильдъ, членъ пивовареннаго и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Вмѣсто того, чтобъ спокойно варить портеръ, ему вздумалось заняться политикой.

Восточный вопросъ! всѣ толкуютъ про восточный вопросъ! сказалъ онъ самому себѣ. Годдемъ, почему же и мнѣ отставать отъ прочихъ. Пиво пивомъ, а политика политикой. Русскіе воюютъ съ Турками. Нашъ лордъ Пальмерстонъ что то больно расхрабрился. Да на то онъ и Министръ въ Англійскомъ Парламентѣ, чтобъ вмѣшиваться не въ свое дѣло. Я могу погрѣть руки: отправ-

лясь наблюдать и описывать!... Изъ Дувра недалеко въ Амстердамъ, къ пріятелю моему Биртринкеру... отъ него на пароходѣ по Рейну, а тамъ по желѣзной дорогѣ до Дуная... Проѣздъ будетъ стоить 80 гиней. И дешево, и сердито и скоро. Вѣдь въ Европѣ разстоянія считаютъ не тысячами верстъ, какъ въ Россіи. Здѣсь въ одномъ городѣ можно позавтракать въ другомъ пообѣдать въ третьемъ пополдничать, а въ четвертомъ поужинать и проспаться. Бертринкеръ будетъ моимъ Коммиссіонеромъ въ случаѣ надобности: онъ пріятель Банкира Вейнтраубе; я съ нимъ условлюсь на счетъ снабжденія меня деньгами, а ему предоставлю изданіе моихъ наблюденій и приключеній. А если по возвращеніи моемъ домой, вздумается ему побывать у меня, то угощу его на повалъ пор-

теромъ: вѣдь не даромъ же дали ему и фамилію Биртринкеръ.

Сказано и сдѣлано: Господинъ Копперфильдъ изъ Бирмингама уложилъ въ чемоданъ бумагу, перья и чернилы и вотъ онъ уже на Дунаѣ, въ гостинницѣ, подъ вывѣскою бараньей головы, содержателя Шафскопфа. Не выходя изъ экипажа онъ приказываетъ подать себѣ бутылку вина и глотаетъ его залпомъ изъ полной бутылки для подкрѣпленія на первый случай силъ своихъ. Толстый Шафскопфъ, похожій съ виду на пивную бочку, и вѣроятно не упускающій случая наполнять себя этимъ нѣмецкимъ напиткомъ, видя такое необыкновенное дѣйствіе господина Копперфильда, поднимаетъ руки выше своего колпака, а нѣмецкій почтальонъ кнутъ свой, подобно тому, какъ Рус-

скій солдатъ беретъ подъ прикладъ! Но эта картина была мимолетна. Употребивъ вино господинъ Копперфильдъ непремѣнно хотѣлъ слѣдовать далѣе, чтобъ сблизиться съ Русскими войсками и посмотрѣть что за народъ такой Русскіе, о которымъ только и толку теперь въ Европѣ; да притомъ же, въ качествѣ путешественника и наблюдателя, онъ хотѣлъ слѣдить за ходомъ войны между Россіей и Турціей.

Въ это время Нѣмецкій журналистъ, исправлявшій вмѣстѣ съ тѣмъ должность Полицейскаго Чиновника, видя изъ за угла гостинницы Шафскопфа и фанатическое дѣйствіе господина Копперфильда изъ Бирмингама, не зналъ что подумать а тѣмъ болѣе сказать... Паническій страхъ обуялъ его: онъ ду-

малъ, что по крайней мѣрѣ самъ парламентскій крикунъ Лордъ Пальмерстонъ ѣдетъ чрезвычайнымъ посланникомъ изъ Англіи къ блистательной портѣ, съ предложеніемъ всевозможныхъ услугъ отъ имени Англійскаго Парламента! И вотъ что случилось съ чиновникомъ, заключавшемъ въ особѣ своей два лица: журналиста и полицейскаго: шпага его отъ присядки поранила правую ногу, а картузъ отъ возстанія волосъ вскочилъ не менѣе какъ на четверть отъ головы, одно перо удержалось за ухомъ!... Бросивъ презрительный взглядъ на Нѣмецкаго журналиста и Полицейскаго чиновника господинъ Копперфильдъ изъ Мончестера, у котораго порядочно зашумѣло въ головѣ отъ выпитія цѣлой бутылки вина залпомъ покатилъ своей дорогой далѣе.... 8-мь нѣмецкихъ миль и—опять станція.

Подъ вывѣскою: *«Колпакъ въ солнцѣ»*... и подъ самою вывѣской—господинъ хозяинъ съ бутылкою въ рукѣ и въ бѣломъ какъ Русскій снѣгъ колпакѣ съ кисточкою. Онъ угощалъ Австрійскаго почтальона; на его кругломъ какъ поджаренная пышка лицѣ выражалось при видѣ того, что фурманъ плясалъ отъ его достойнаго похвалы вина.

Подъѣзжая къ слѣдующей станціи Господинъ Копперфильдъ почувствовалъ, что нѣмецкое вино сильно разыгрывается въ его англійской головѣ, счелъ за лучшее остановиться на этой второй станціи, чтобъ по Англійскому обыкновенію закусить съ толкомъ, для подкрѣпленія силъ, и потомъ продолжать свое путешествіе далѣе. Все было готово къ его услугамъ! поданы око-

рокъ ветчины, бутылка Рейнъ-вейну, а онъ съ ними въ паралель положилъ свой мѣшокъ съ 1000 гульденами взятыми имъ на запасъ въ дорогѣ.

Когда господинъ Копперфильдъ выходилъ изъ своего экипажа, въ маленькое окно со втораго этажа гостинницы выглянули два лица: молоденькая дѣвушка и лысый въ очкахъ ея покровитель... «Посмотрите, папа! это вѣроятно какой нибудь чудакъ Англичанинъ пріѣхалъ въ гостинницу.» Услышавъ нѣжный женскій голосъ, господинъ Копперфильдъ взглянулъ вверхъ и выпрямилъ свою фигуру.

Со всею Англійскою фамильярностію, вошелъ онъ на крыльцо гостинницы и отворилъ первую встрѣтившуюся дверь....

«Вотъ у меня въ рукахъ бутылки съ «виномъ, вотъ карты, а вотъ и денеж- «ки, которыя добылъ я на австрійской «службѣ и посредствомъ содержанія «игорнаго дома!» говорилъ штатскій чиновникъ, у котораго голова была кругла какъ арбузъ, а носъ заступалъ мѣсто арбузной вѣточки, — военному, который въ каскѣ сидѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ — прямо лицомъ къ лицу!

«А моя команда,» говорилъ военный, которую ты видишь въ окно на дворѣ — можетъ мнѣ доставить тоже, что доставили тебѣ карты и бутылки! Война Россіи съ Турціей началась, при помощи Русскихъ намъ придется только бить Турокъ, какъ барановъ; а въ такомъ случаѣ, самъ ты знаешь, безъ наживы дѣло не обойдется: тогда даю

тебѣ честное и благородное — слово поплатиться съ тобою моимъ долгомъ.

«Что за странный такой разговоръ, въ первый разъ слышу,» сказалъ господинъ Копперфильдъ, удивленный этимъ разговоромъ двухъ представившихся ему лицъ — военнаго и штатскаго. Онъ невольно отступилъ назадъ и снова повторилъ хозяину гостинницы, чтобъ ему отведенъ былъ особый нумеръ и поданъ обѣдъ.

«Прошу покорно во вторую дверь,» отвѣчалъ хозяинъ гостинницы. Тотчасъ все будетъ готово къ услугамъ вашимъ, милордъ! Будьте увѣрены, что я умѣю принимать почетныхъ и служить усердно, исполняя ихъ желаніе въ точности..»

Отведенный господину Копперфильду нумеръ былъ чистъ и удобенъ. Хозяинъ гостинницы, желая занять почетнаго гостя, доставилъ новые нумера газетъ, а самъ отправился хлопотать о приготовленіи обѣда.

Г. Копперфильдъ занялся чтеніемъ. Видно было что его очень интересовали новости. И вотъ онъ начинаетъ декламировать переведенные съ Русскаго на нѣмецкій языкъ стихи, по случаю побѣдъ подъ Ахалцихомъ и при Синопѣ. Помѣщаемъ ихъ здѣсь въ подлинникѣ:

«Вотъ зашумѣлъ орелъ двуглавый
На Черномъ морѣ новой славой,
И загремѣлъ, средь южныхъ водъ,
Побѣдой новой Русскій флотъ!

Эскадру вражью разгромили
Мы надъ пучиною морской,
И при Синопѣ повторили
Побѣду дѣдовъ подъ Чесмой!

Тутъ раненъ былъ Османъ-паша,
И въ плѣнъ чуть жива душа!
Вѣдь не учиться Русскимъ стать,
Какъ чалмоносцевъ побѣждать!

Числа враговъ мы не считаемъ —
Когда стоимъ лицомъ къ лицу,
И честь Россіи защищаемъ!...
Ура! Державному Отцу!

Близъ Ахалциха, при Синопѣ,
Войска Турецкія и флотъ
Разбивъ, мы дали знать Европѣ,
Что Русь своимъ умомъ живетъ....

Своею силой побѣждаетъ!...
И — не нуждаясь ни въ комъ,
Враговъ безсильныхъ презираетъ,
А мощнымъ посылаетъ громъ.

«О, о, о! какъ Русскіе поговариваютъ и ядрами и одами!» воскликнулъ господинъ Копперфильдъ. — Въ короткое время — и уже столько побѣдъ и на морѣ и на сушѣ. Только одно и слышишь, что они или флотъ сожгли и съ десятью тысячами ухлопали втрое больше враговъ. Должно отдать справедливость Русскимъ солдатамъ — молодцы! А, да вотъ и еще стихи — анекдотъ! Посмотримъ, что за штука такая описана въ анекдотѣ.

«Въ дополненіе къ побѣдамъ,
Мнѣ разсказанъ былъ сосѣдомъ
Любопытный анекдотъ....
Для всеобщаго извѣстья,
Я его пускаю съ честью
Въ православный нашъ народъ.

«Повстрѣчался съ Русскимъ Турка
И взгордился, вражій братъ.

«Не велика ты фигурка!»
Молвилъ нашъ ему солдатъ.

«Какъ, сермяжникъ, не велика!»
Чванный Турокъ закричалъ,
И въ пригоршни маку взялъ. . . .
«На-ко, Русь, тебѣ, сочти-ка
«Войска нашего число,
«Ты тогда только узнаешь,
«Какъ весь макъ пересчитаешь.

«Коль на это ужь пошло,
Что числомъ меня пугаешь,
Такъ ты мало Русскихъ знаешь,
Нашъ солдатикъ отвѣчалъ.

И тотчасъ же изъ карману
Перцу зернышко досталъ,
И, подавъ его Осману.
«Натко, братъ, тебѣ!» сказалъ.
Наше войско не велико,
Какъ зерно, да раскуси-ко!
Такъ узнаешь, каково
Противъ маку твоего!

Ха, ха, ха! громко засмѣялся Копперфильдъ. Это яркая черта, характеризующая Русскихъ и Турокъ! Хорошо!.. На первый случай не даромъ я принялся за газеты. Не должно упускать случая и постоянно заниматься ихъ чтеніемъ. Дѣла завязываются очень интересныя; я долженъ вести мои путевыя извѣстія и почаще пересылать ихъ моимъ пріятелямъ въ Англію.... съ слѣдующей же почтой пишу!

Въ это время хозяинъ подалъ обѣдъ и вино.

«А когда отсюда почта отходитъ на Лондонъ?

— Завтрешній день, милордъ! «отвѣчалъ хозяинъ.

— «Очень хорошо.

Господинъ Копперфильдъ принялся за обѣдъ, употребивъ въ честь и славу новыхъ извѣстій — добрый стаканъ предстоящаго вина.

Обѣдъ и вино пришли ему по вкусу. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и ни сколько не выказывалъ Англійскихъ капризовъ.

«Летучая почта! Къ вамъ письмо, господинъ Копперфильдъ, и новыя газеты.

« Слава! слава! слава Россіи! возгласилъ Копперфильдъ, вставая изъ-за стола.

« Rule Britania!» — Это выраженіе тоже для Англичанина, что для насъ: « благодареніе и слава Тебѣ, Господи! »

Новыя газеты, новыя газеты!

— Это что же за исторія! Позоръ и срамъ нашему брату Англичанину! Рускіе на моряхъ не уступаютъ нашимъ. Вотъ стихи на нашъ соединенный флотъ.

Англо-Франкскія эскадры
Въ море Черное вошли:
И какъ разъ на наши ядры
Очень кстати подошли.

Разсердился нашъ усатый
Старо-давній мореходъ,
Разсуворились солдаты
И помчалися въ походъ.

Не по сердцу было господину Копперфильду чтенія этихъ стиховъ. Подъ вліяніемъ жирнаго обѣда и винныхъ

паровъ, въ пылу національной гордости, онъ запѣлъ, онъ запѣлъ старую, изношенную Англійскую пѣсню.

«Владѣй, Британія, морями!!! ...

Бутылки, карты и пріобрѣтенные посредствомъ ихъ деньги, встали съ своихъ мѣстъ, чтобъ, въ надеждѣ, засвидѣтельствовать книксенъ столь важному по видимому путешественнику.

«Господа, я нечаянно попалъ въ вашу компанію и желаю вашего дружества.... Копперфильдъ изъ Мончестера подаетъ вамъ свою руку! Прошу принять мою дружбу.

—«Виватъ тебѣ, сынъ Альбіона.— Позвольте служить вамъ всѣмъ, что я

имѣю, чѣмъ смогу и чѣмъ быть могу! сказалъ штатскій, и подойдя къ Копперфильду преклонилъ чуть не до земли свою арбузную голову — поклонъ, свидѣтельствующій полное довѣріе къ человѣку и къ богатству.

Господинъ Копперфильдъ изъ Бирмингама переступилъ порогъ и, видя такую необычайно артистическую позу двухъ лицъ, притворился Англо-саксомъ, невѣждой, богачемъ....

« Хозяинъ! »

— Къ вашимъ услугамъ.

— Мнѣ нуженъ ночлегъ и хорошій ужинъ! Общій столъ и особый нумеръ!

Къ вашимъ услугамъ милордъ! Тотчасъ же все будетъ готово. Видите,

видите передъ вами усерднаго и старательнаго слугу въ лицѣ моемъ!»

«Я оцѣню твои услуги по достоинству, и повѣрь мнѣ, что Англичанинъ не ударитъ себя лицемъ въ грязь.

Штатскій лукаво посмотрѣлъ на мѣшокъ съ гинеями и перемигнулся съ восинымъ.

«Гостинница твоя Колпакъ въ солнцѣ, продолжалъ Копперфильдъ, очень мнѣ нравится. А далеко-ли отсюда до Бухареста?

— 90 миль, милордъ!

— Порядочно. Впрочемъ, я стало быть имѣю возможность переночевать

здѣсь, подкрѣпить свои силы и потомъ безъ остановки доѣхать доцѣли моего путешествія.»

И будто съ особеннымъ этузіазмомъ, происходящимъ отъ пьянаго умиленія, онъ снова подалъ руку военному и штатскому и попросилъ ихъ раздѣлить съ собою ужинъ.

Время текло довольно весело, собесѣдники чекались стаканами, которые опорожнялись ежеминутно. Штатскій послѣ ужина непримѣтно навелъ разговоръ накарты. Англичанинъ, рѣшившійся корчить изъ себя богача, согласился на предложеніе штатскаго—поиграть для препровожденія времени.

Штатскій, нажившій деньги бутылками и картами, сначала по обыкновенію,

поддавался, потомъ какъ будто нечаянно выигралъ довольно порядочный кушъ, за который Англичанинъ долженъ былъ поплатиться изъ своего мѣшка съ тысячью гинеями и отправиться въ отведенный ему нумеръ, чтобъ поразмыслить на свободѣ о своемъ непріятномъ приключеніи и о дальнѣйшемъ продолженіи своего пути.

Поднявшись утромъ онъ отправился въ путь, записавъ на передъ въ своей дорожной книжкѣ.

«Проиграно столько-то. Какъ Англичанинъ, я не ударилъ себя въ грязь, и хотя съ сожалѣніемъ, но отдалъ проигранныя деньги Австрійцу, который ловко надулъ меня.»

До Бухареста съ нимъ ничего особеннаго не случилось. Онъ видѣлъ движеніе Русскихъ войскъ, шедшихъ по направленію къ Дунаю, дивился Русской силѣ и мало по малу, охлаждалась его національная спѣсь.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, онъ остановился въ гостинницѣ, которую содержалъ какой-то Еврей, очень ловкій на то, чтобъ подъ видомъ усердія, опорожнять, своими истинно израильскими щетами, карманы своихъ постояльцевъ.

Однажды вечеромъ онъ пошелъ прогуливаться по улицамъ Бухареста, и на углу одной изъ нихъ увидѣлъ толпу народа, громко хохотавшую. Нельзя было не полюбопытствовать, онъ подошелъ къ толпѣ, по срединѣ которой

стоялъ человѣкъ и показывалъ раекъ, приговаривая:

«А вотъ въ городѣ Цареградѣ стоитъ Султанъ на оградѣ; онъ рукою махаетъ, Омера-Пашу къ себѣ подзываетъ: какъ ты думаешь, Омеръ-Паша, вѣдь армія наша не стоитъ ни гроша. Нашъ блистательный флотъ хотѣлъ блеснуть чрезъ черныхъ водъ, да такъ отъ Русскихъ огней заблисталъ, что и самъ весь пропалъ. Теперь нѣтъ у насъ кораблей, а плохо надѣяться на чужихъ людей. Послушались мы Англичанина и Француза, а чорта ли намъ толку отъ ихъ союза. Русскіе со всѣхъ сторонъ насъ валяютъ, городъ за городомъ у насъ отнимаютъ.—Что и проку въ Султанѣ, коли нѣтъ у него ни копѣйки въ карманѣ. А сунься-ка къ нашимъ союзнымъ друзьямъ, онъ и говоритъ безъ

залога не дамъ. Ты то себѣ денжонокъ понакопилъ, да назапасъ ихъ въ Англійскій банкъ положилъ, тебѣ хорошо, да мнѣ то теперь каково. Бывало прежде всѣхъ называлъ: эй вы, собаки! а какъ дошло дѣло до драки; какъ показался Русскій штыкъ, такъ по неволѣ прикусишь себѣ языкъ.»—

Копперфильдъ возвратился въ гостинницу. Здѣсь ждала его новая непріятность: грозный счетъ во время нѣсколькихъ дней возросъ до невѣроятности. А дѣлать нечего. Надо было расплачиваться. Тутъ то вспомнилъ онъ о своемъ Бирмингамѣ, и проклиналъ себя, зачѣмъ нелегкій дернулъ его заниматься политикой, вмѣсто того чтобы варить пиво. . . . .

Онъ задумался; размышленія его были прерваны приходомъ новыхъ газетъ,

въ которыхъ объявлялось о разрывѣ политическихъ сношеній между Англіею и Франціею.

«Вотъ те на! воскликнулъ онъ, убраться ко отсюда по добру по здорову.

Онъ провелъ въ гостинницѣ послѣднюю ночь, позабылъ думать о томъ, что Англичанинъ не ударитъ себя лицемъ въ грязь, и когда на другой день уже собрался въ путь, то къ довершенію его досады, услужливый хозяинъ подалъ ему стихи, совѣтуя записать ихъ въ дорожную книжку, и въ Бирмингамѣ, за бутылкой портера, прочесть своимъ пріятелямъ.

«Готовься, Русь, на подвигъ бранный,
Чтобы на лаврахъ отдохнуть;

Царь мудрый, Господомъ избранный,
Тебѣ укажетъ къ славѣ путь.

Ты помнишь времена былыя,
Двѣнадцатый ты помнишь годъ,
Какъ наши удальцы лихіе
Противъ враговъ пошли въ походъ.

«Хвастливы были супостаты,
Ихъ велъ буянъ Наполеонъ,
Но доказали наши хваты,
Какъ Богъ нашъ дивенъ и силенъ.

Пусть будетъ съ Турціей начало,
А тамъ докажемъ и другимъ,
Что Русскихъ силъ на всѣхъ достало,
Что Русскій Господомъ хранимъ.

Что Русь давно окрѣпла въ брани,
Что остръ и твердъ ея булатъ....
Эй, не садись въ чужія сани,
Поберегися, супостатъ!»

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГО ПРОДАВЦА

Н:С;ФЕДОСОВА.

ЦѢНА 30 КОП:СЕРЕБРОМЪ

— 2 —

РАЗСКАЗЫ

КАЗАКА

ЕРМИЛЪ ШМАРЕВА

И

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ

ИЗЪ

ЖИЗНИ ЗАЩИТНИКОВЪ

СЕВАСТОПОЛЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Т. Т. ВОЛКОВА И КОМП.

1856.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 2-го Ноября, 1855 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

1.

КАЗАКЪ ЕРМИЛЪ ШМАРЕВЪ.

Въ Мартѣ 1855 года, войска Малокалахскаго отряда, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Липранди, были расположены, какъ извѣстно, лагеремъ и бивуакомъ при селеніяхъ: Мадлавита и Голеницы-Команы, кавалерійскій же отрядъ, изъ 4-хъ эскадроновъ Бугскихъ уланъ и 4-хъ сотенъ казаковъ, занималъ с. Поянцы: передовая цѣпь сего отряда, находясь въ связи съ цѣпью, выставленною отъ главныхъ силъ, наблюдала за с. Чепурчани и теченіемъ Дуная, къ сторонѣ д. Дессы. Кто не живалъ на Дунаѣ, тотъ никогда не видывалъ настоящихъ тумановъ. Въ началѣ ве-

сны и осенью, густая, непроницаемая мгла обхватываетъ значительныя пространства прибрежьевъ рѣки. Около вечера, туманъ слоями спускается на землю и съ каждымъ часомъ становится гуще и мрачнѣе. Начиная съ 5 часовъ вечера одного дня, туманы держатся часто до полудня другаго. Холодная сырость проникаетъ до костей, паръ густою массою стоитъ въ воздухѣ и лишаетъ возможности различать предметы на самомъ близкомъ разстояніи; даже звукъ замираетъ... 14-го Марта, Турки, пользуясь мракомъ подобнаго тумана, сосредоточились въ значительныхъ силахъ за с. Чепурчани и быстро атаковали лѣвый флангъ Поянскаго отряда. Но не удалось невѣрнымъ застать нашихъ врасплохъ: привычное ухо сторожеваго казака караулило врага. По первой тревогѣ, уланы подкрѣпили Донцовъ. Непріятель былъ опрокинутъ и съ большою потерею обратился въ бѣг-

ство. Во время общей, внезапной атаки, казачій постъ, составлявшій оконечность лѣваго фланга цѣпи, на пересѣченной мѣстности, былъ окруженъ Турками. Казаки Донскаго казачьяго № 42-го полка: Ефимъ Давыдовъ и Ермилъ Шмаревъ, послѣ упорной защиты, попались въ руки непріятеля.

29-го Декабря 1854 года, съ праваго берега р. Прута, въ слободку Калибаши, лежащую противу Молдаванскаго селенія Стойканы, явился, на находящійся тамъ постъ, Донскаго казачьяго № 42-го полка, Бурацкой станицы, казакъ Шмаревъ. Увѣренный въ счастливомъ спасеніи изъ плѣна, сотворивъ крестное знаменіе и поцѣловавъ родную землю, Ермилъ Шмаревъ объявилъ себя казакомъ Донскаго № 42-го Полковника Ульянова полка. Съ любопытствомъ окружили Донцы своего собрата и просили раз-

сказать имъ объ его плѣнѣ. Ермилъ Шмаревъ началъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ: «Полкъ нашъ, братцы, прибылъ за границу позже другихъ. Насъ послали въ Калахвату, гдѣ за крѣпостію сидѣлъ Турокъ. Мы стояли въ Поянахъ. Каждый день, бывало, не то что сраженіе какое, а такъ просто: то они насъ задѣнутъ, то мы ихъ пощиплемъ, ну и ничего!.. Не то что война, а стрѣляли каждый день!..»

«14-го Марта, 5-й сотнѣ вышелъ чередъ цѣпь занимать. Мнѣ, со станичникомъ Ефимомъ Давыдовымъ, пришлось стоять на крайнемъ посту, противъ самаго Дуная. Съ вечера палъ туманъ — темень стала такая, что Ефимъ — меня, а я — Ефима въ лицо не узнавали... Стоимъ, — все тихо. Думаемъ: гдѣ имъ, нехристямъ—не то время, носа изъ-за окоповъ не высунутъ!.. Вдругъ... такъ по нашему

примѣрно на зарѣ, слышимъ... въ правой цѣпи выстрѣлъ... мы сготовились. Къ холму, на которомъ стояли, примыкалъ оврагъ, слышимъ — опять выстрѣлъ. Мы съ холма къ оврагу, чтобы пристроиться къ резерву,—не видно ни зги, хоть глазъ выколи!.. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ: Алла! Алла!— Мы выпалили.— Туда-сюда, анъ выходу нѣтъ, окружили басурмане.. Я за пику; но въ это время былъ раненъ въ правую ногу и вылетѣлъ изъ сѣдла. Насъ захватили и привели въ Калахватъ.— Товарища моего отправили во внутрь Туречины, а меня, раненаго, повезли въ Шумлу, положили въ госпиталь... Нечего сказать—присмотръ былъ сносный и кормили не дурно,— одно плохо: винной порціи не давали... Дней черезъ 40 рана моя совсѣмъ прошла, и ходилъ я, какъ теперь. Потребовали меня къ Пашѣ и приказали вступить въ Турецкія войска. — Я отказался и объ-

явилъ на-отрѣзъ, что противу братьевъ своихъ служить не стану... Кричалъ на меня сердитый Паша и ударилъ нѣсколько разъ... Дали мнѣ день на размышленіе: служить, или разстрѣляютъ!.. Взяло меня раздумье... служить противу своихъ не приходится,—грѣхъ,—а какъ разстрѣляютъ, то и того хуже: душа Христіанская даромъ пропадетъ!.. Помолился однако Богу и сказалъ на-отрѣзъ Туркамъ, что противъ своихъ служить не стану. Паша разгнѣвался, грозилъ уши обрѣзать, да ихъ нѣтъ, приказалъ водить за отрядомъ и прибавилъ, что присмотръ за мною будетъ строгій и что чуть, дескать, что, такъ сейчасъ повѣсятъ! Изъ-подъ Шумлы отрядъ посланъ былъ на Рущукъ, и черезъ Журжево прибылъ въ Бухарестъ. Тамъ узналъ я, что наши вернулись уже въ предѣлы Россіи. Грусть меня взяла невыносимая, и думалъ я: ужь не видать мнѣ

больше земли родной,—такъ на вѣкъ и погибну межъ нехристей. Но милостивъ Господь Богъ. Послали Турецкій отрядъ къ сторонѣ Браилова—заговорили, и Турки и Молдаване, что всѣ идутъ въ Бессарабію, на Русскихъ; а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вся рать басурманская спѣшно ударилась за Дунай. Нашъ отрядъ оставался на рѣкѣ, клички не помню, на рѣкѣ, что вдоль Молдавіи течетъ и въ Прутъ упирается. Разъ послали партію къ Пруту: за мною хоть строгаго присмотра не было, а улизнуть было нельзя. . . Однажды, я и приставленный ко мнѣ старый баши-бузукъ, мы ѣхали вмѣстѣ и вдвоемъ далеко отдѣлились отъ партіи... Бузукъ былъ добрый старикъ, даромъ что Турокъ,—такой ласковый и обходительный; говорили мы каждый по своему, и ничего: другъ друга понимали.— Ѣдемъ мы по берегу, и вижу я на другой сторонѣ Прута. . . свои,

Донцы - товарищи разъѣзжаютъ!.. Сердце у меня такъ и защемило,— думаю себѣ: если теперь не удастся, никогда не уйдешь!.. Взглянулъ я на старика — добрый старикъ ничего не понимаетъ, улыбался... Мѣстность была способная, глухая... ѣхали мы рядомъ... я нагнулся стремя поправить... пустилъ старика шаговъ на десять впередъ, перекрестился... гикнулъ мимо... ударомъ по затылку сшибъ Турка на земь... коня за узду, да и былъ таковъ!.. Долго скакалъ я вверхъ по р. Пруту,—смотрю—селеніе стоитъ... Богъ вѣсть, думаю, можетъ въ деревнѣ Турка найду: снова поймаютъ, — родины не увидишь, да и на осину повѣсятъ!.. Слѣзъ я съ коня, разсѣдлалъ лошадей, побросалъ сѣдла въ трущобу и пустилъ коней по полю, а самъ... съ оглядками на всѣ стороны, словно прохожій какой, вошелъ въ селеніе... Ко всякому грѣшнику милостивъ Го-

сподь: Турокъ въ деревнѣ не было! На другой день, изъ Молдавскаго селенія Стойканы перевезли меня прямо къ вашему посту... «Теперь, братцы,» заключилъ Шмаревъ: «ведите меня къ начальству: скорѣе бы до станичниковъ добраться...»—Жаль, братъ-землякъ, что ты коней-то бросилъ на чужомъ берегу! — сказалъ одинъ изъ Валуевскихъ казаковъ, бывшихъ на посту въ Калибашѣ...

2.

ПОДВИГИ ОСОБЕННОЙ ХРАБРОСТИ.

Тищенко — унтеръ-офицеръ 42-го Флотскаго Экипажа, комендоръ бомбическаго орудія, человѣкъ бравый, распорядительный и хладнокровный; его поговорка: «сила небесная.» — Въ первые дни бомбардированія пальба была такъ часта, что до орудія не-

льзя было дотронуться. «Рѣже стрѣлять!» говорили ему: «орудіе горячо.» —Ничего, мы его сейчасъ напоимъ,— отвѣчалъ Тищенко. Вода немедленно являлась, и орудіе мочили швабрами. Англичане сильно надоѣдаютъ ему своею стрѣльбою. «Да неужь-то не покараетъ тебя сила небесная!» говорилъ онъ, заряжая и наводя орудіе.

Ангеловъ — унтеръ-офицеръ 44-го Флотскаго Экипажа, небольшаго роста, коренастый, ловкій, хорошій марсовой. Покойный Адмиралъ Корниловъ его очень любилъ, и пріѣзжая на фрегатъ «Коварна», на которомъ служилъ Ангеловъ, всегда спрашивалъ объ его здоровьѣ. Вообще Ангеловъ очень дѣятеленъ, трудолюбивъ и исполнителенъ по службѣ. Онъ комендоръ на лѣвомъ фасѣ Малахова кургана; его орудіе дѣйствовало не такъ много, но за то страдало отъ продольной Англійской батареи, и

ему не разъ случалось подъ ядрами мѣнять 36-ти-фунт. орудіе.

Шпикаренко — унтеръ-офицеръ 39 Флотскаго Экипажа, комендоръ бомбическаго орудія; имъ всегда любовались на батареѣ, какъ лучшимъ артиллеристомъ. Шпикаренко замѣчателенъ тѣмъ, что очень серьозенъ: никто и никогда не видалъ, чтобы онъ улыбнулся.

Василій Колинниченко—матросъ 32-го Флотскаго Экипажа. Ему было отнято плечо въ верхней трети. Послѣ операціи онъ тотчасъ же обратился къ оператору съ словами: «Покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе. Нельзя ли рюмку вина выпить?» Когда ему принесли рюмку вина, онъ, поднявъ ее лѣвою рукою, сказалъ: «за ваше здоровье, Ваше Высокоблагородіе!»

3.

НАШИ КАЗАКИ ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРЕЦКАГО МУШИРА.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ Кюрюкъ-Дарскаго дѣла, а именно 29-го Іюня, изъ Александропольскаго лагеря было отправлено нѣсколько человѣкъ нашихъ казаковъ съ письмомъ къ Турецкому Муширу отъ командующаго дѣйствующимъ на границѣ корпусомъ, Князя В. О. Бебутова, и съ письмами отъ плѣнныхъ Турецкихъ офицеровъ. Посланные казаки были: Николай Павловъ Затрапезный, изъ Дворянъ, приказный Моздокскаго казачьяго полка, и съ нимъ урядникъ Кубинскаго полка Галактіоновъ, урядникъ Кавказскаго полка Голодновъ и урядникъ Моздокскаго полка Сагандаковъ. Послѣднему былъ данъ бѣлый парламентерскій флагъ. Казаки наши отправились, и путешествіе ихъ

не обошлось безъ интересныхъ, характеристическихъ подробностей, о которыхъ, какъ и о многомъ интересномъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, ничего еще не было сказано въ періодическихъ листкахъ, въ настоящее время весь свой интересъ заимствующихъ изъ картины великой современной брани... Беру на себя пополненіе, для вашей газеты, одного изъ этихъ пробѣловъ... Но, чтобы ничего не отнять у оригинальности разсказа, постараюсь передать его точными выраженіями приказнаго Николая Затрапезнаго, въ томъ видѣ, какъ я записалъ ихъ со словъ разсказщика...

«Вотъ мы и отправились. Съ нами былъ переводчикъ, какъ слѣдуетъ...» (Прошу замѣтить, что Николай Затрапезный не простой казакъ, а приказный, и слѣдовательно за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, а говоритъ складно, красно, и не прочь отъ доморощенаго литературнаго прибавле-

нія къ своей молодецкой рѣчи. Не лишнее также сказать, что Затрапезный—казакъ рослый, плечистый и расторопный, лѣтъ 32-хъ отъ роду)... «Верстахъ въ пятнадцати отъ нашего лагеря повстрѣчали мы штукъ шесть баши-бузуковъ: всѣ верхами, этакъ, стояли на пригоркѣ. Завидѣвши насъ, они съ пригорка стали спущаться и къ намъ на-встрѣчу. Переводчикъ предъявилъ имъ конвертъ. Они показали вѣжливость, и повели насъ къ своему баши-бузуцкому начальнику, Хаджи-Темиръ-Агѣ, по-ихнему. Ѣхали мы недалеко и пріѣхли къ особому лагерю, должно быть баши-бузуцкому же. Палатокъ тутъ я насчиталъ восемьдесятъ четыре штуки, и всѣ такія красивыя, разноцвѣтныя. Начальникъ находился въ голубой, складной палаткѣ человѣкъ на пятьдесятъ. Онъ принялъ насъ ласково, угощалъ шербетомъ, чаемъ, кофеемъ, трубками, а самъ послалъ, должно полагать,

съ увѣдомленіемъ къ Муширу. Тутъ мы оставались часа два съ половиной. Пообѣдали. Обѣдъ извѣстно какой у Азіятовъ: пловъ, баранина, вареники, соусъ изъ сливъ и яблоковъ, — яствъ много, только винцомъ запить не пришлось: вина не подавали. Хаджи съ нами шутилъ, говорилъ, что видѣлъ меня въ дѣлѣ 19-го Іюля, хотѣлъ, вишь, меня убить, да пистолетъ осѣкся. Должно полагать, вретъ Хаджи, по той причинѣ, что гдѣ въ этой свалкѣ запомнить кого въ лице? Такъ, полагаю, для краснаго слова выдумалъ... Пообѣдавши, мы благодарили и просили, чтобы насъ отпустилъ. Хаджи далъ намъ провожатаго; ружья оставилъ при насъ, а пистолеты, кинжалы и шашки отобралъ. Часа черезъ два съ половиной выѣхали мы въ Турецкій лагерь. Проѣхавши версты четыре, повстрѣчали ихнее строевое войско: эскадронъ драгунъ; впереди Полковникъ. Полковникъ поздоровал-

ся съ нами по своему; только я замѣтилъ, что языкъ у него не настоящій Турецкій, а какой-то, то есть, ломаный: должно полагать изъ иностранцевъ... Съ драгунами мы тронулись вмѣстѣ; ѣхали больше молча. Версты за четыре до главнаго лагеря Полковникъ приказалъ завязать намъ глаза. Досадно было, потому что хотѣлось таки повысмотрѣть ихній военный, то есть, обиходъ; да на наше счастье дождь пошелъ; Турки стали кутаться, жаться, и за нами не больно присматривали, такъ что кое-какъ изъ-подъ повязки могъ я выглядывать, и видѣлъ на полѣ подбитыя нами въ последнемъ дѣлѣ артиллерійскія орудія и ящики зарядные поломанные. По пріѣздѣ въ лагерь, повязки съ насъ сняли. Лагерь стоялъ у стѣны самаго Карса. Изъ палатокъ никто не выходилъ, и когда мы въѣхали въ лагерь, намъ сдѣлали на караулъ и скомандовали по-Русски. Такъ мы доѣхали до

палатки Мушира; палатка была атласная и большущая, снаружи бѣлая, а внутри сѣрымъ сукномъ обтянутая, трапы же, замѣтилъ я, шелковые. Внутри, вокругъ всей палатки, диваны. Тутъ же, въ особомъ отдѣленіи, должно быть, и штабъ былъ ихній: офицеровъ было много; они насъ окружили, и одинъ сказалъ: «Вы дрались хорошо, но вы всѣмъ обязаны тому, что сконфузили нашихъ подлецовъ баши-бузуковъ на правомъ флангѣ, а не будь баши-бузуковъ, ничего бы вы противъ нашихъ четырехъ батарей не сдѣлали.» Онъ говоритъ, а я себѣ другое думаю, да молчу: пущай, молъ, еще поврётъ. А тутъ входитъ другой офицеръ, высокій, на головѣ феска, а самъ въ *пальтѣ* изъ черной клеенки. Ему всѣ отдали честь, и сказали намъ, что онъ иностранецъ: оно и видно было, такъ какъ по-Турецки говорилъ онъ, то есть, чрезъ силу. Вотъ онъ, какъ только вошелъ, такъ

и заговорилъ съ нами: «Если бы, говоритъ, не подлецы баши-бузуки, мы задали бы вамъ фейферу.» А я отвѣчаю, — зло, знаете, меня взяло, что сами драться не умѣютъ, а на башибузуковъ сваливаютъ,—говорю: «Пока еще вы намъ задали бы фейферу, а уже мы вамъ прописали фигу...» На, молъ, съѣшь, да не ври. Долговязый офицеръ засмѣялся, и началъ съ своими товарищами по-Французски разговаривать. Поговоривши этакъ съ пять минутъ, предложили намъ: «Не хотите ли, говорятъ, водки?»—«Отчего же, говорю, послѣ дождя не мѣшаетъ!» Позвали человѣка, спросили у него водки; онъ говоритъ, что нѣтъ, а я думаю: видно, еще послѣ нашей потасовки не успѣли походныхъ запасовъ собрать, т. е. такъ я думаю про себя, а впрочемъ молчу, ни слова!.. Въ это самое время позвали насъ къ Муширу. Пришелъ офицеръ въ красномъ мундирѣ съ серебряными петли-

цами, и повелъ насъ въ другое отдѣленіе палатки. Муширъ привсталъ и поклонился намъ, а потомъ спросилъ чрезъ переводчика: «Это тѣ самые молодцы, что дрались съ баши-бузуками?» — Переводчикъ отвѣчалъ: «Тѣ самые.» — «Молодцы,» говоритъ, — такъ и надо драться, а какъ перестанемъ, приходите, будемъ друзья.» — На это мы отвѣчали: «Драться такъ драться, а не драться, такъ лучше и въ поле не выходить!» Муширъ засмѣялся и подарилъ намъ каждому по часамъ. Мы взяли и поблагодарили. Тутъ отвели насъ опять въ офицерское отдѣленіе. Офицеры опять къ намъ. Одинъ спрашиваетъ: «Есть ли у васъ какая нибудь *новизна*, и получаете ли какія нибудь газеты.» Я говорю: — «Что за газеты! Мы никакихъ не получаемъ.» — «А офицеры у васъ развѣ никакихъ новостей не знаютъ?» — «У насъ, — говорю, и полковые Командиры новостей не знаютъ,» —

т. е. это я говорю съ тѣмъ, чтобы меня больше ни о чемъ не разспрашивали.—«Такъ кто же знаетъ *новизну*?» привязался тотъ же офицеръ, должно быть изъ Поляковъ, такъ какъ онъ по-Русски говорилъ на Польскій маперъ. Я отвѣчаю: «Князь Бебутовъ да Князь Барятинскій знаютъ.»—Офицеръ засмѣялся и опять-таки присталъ: «А вы, говоритъ, что знаете?»—«А мы то знаемъ, говорю, что какъ ударятъ въ барабанъ да скажутъ: маршъ впередъ, мы и идемъ впередъ; эту новость мы знаемъ.» — «Ну, такъ знайте же, продолжалъ Полякъ, что у васъ Кронштадтъ взятъ и Одесса взята, а подъ Севастополемъ стоятъ и бомбардируютъ.»— «Я говорю: «Ну, мы этого и не слыхали; была бы правда, у насъ бы скорѣе было извѣстно.» Съ тѣмъ Полякъ и отвязался, и разговоръ весь кончился. Тутъ завязали намъ глаза и повели тѣмъ же порядкомъ обратно. Опять прибыли къ

баши - бузуцкому Хаджи - Агѣ. Онъ опять принялъ насъ хорошо, подчивалъ чаемъ, кофеемъ; далъ и поужинать и даже уступилъ намъ свою постель, а самъ ушелъ ночевать въ другую палатку, то есть вѣжливость большую оказалъ, даромъ что баши-бузукъ и нехристь!.. Лошадей нашихъ за ночь то же накормили, а поутру насъ напоили чаемъ. За тѣмъ мы поблагодарили, какъ слѣдуетъ, за хлѣбъ за соль, и отправились къ Александрополю. Версты съ четыре насъ провожали родственники плѣнныхъ, отъ которыхъ мы, съ разрѣшенія начальства, возили письма въ Турецкій лагерь.»

4.

О ПОДВИГАХЪ ДОНЦОВЪ ВЪ КРЫМУ.

21-го Февраля 1855 года, казаки Жирова № 61-го полка покрыли себя новою славою. Въ этотъ день Турецкая кавалерія, въ числѣ 500 человѣкъ, выѣхавъ изъ города Евпаторіи, напала на лѣвый флангъ цѣпи, занимаемой нашими казаками. Уступая многочисленному превосходству непріятеля, казаки, мужественно перестрѣливаясь съ Турками, медленно отступали до прибытія резерва, состоявшаго изъ одного эскадрона уланъ, 1-й, 3-й, 5-й и 6-й сотенъ № 61-го полка, подъ командою Войсковаго Старшины Селиванова. По прибытіи подкрѣпленія, казаки, съ крикомъ *ура!* бросились въ пики и шашки на непріятеля, и этотъ рукопашный бой въ мигъ рѣшилъ дѣло. Турки, оставивъ на мѣстѣ до 40 своихъ труповъ, были съ значительною потерею отброшены къ городу.

5.

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАЩИТНИКОВЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

1. Не смотря на градъ бомбъ, гранатъ, ядеръ и пуль, которыми осаждающій осыпаетъ траншеи, солдатъ нашъ шутитъ надъ смертію, беззаботно попѣваетъ во время канонады веселую пѣсенку, а подъ часъ изъ подъ-полы шинели вынимаетъ свою трехъ-струнную балалайку... закипѣлъ рукопашный бой, и звѣремъ бросается онъ въ штыки на смѣлаго врага, безщадно колетъ его въ подступахъ къ нашимъ ложементамъ—и щадитъ непріятеля безоружнаго.

Разъ случилось мнѣ видѣть, что вели двухъ плѣнныхъ, раненыхъ Французовъ, съ которыми повстрѣчались два усатыхъ гренадера Волынскаго пѣхотнаго полка. Поровнявшись съ плѣнными, одинъ изъ Волынцевъ су-

нулъ въ руку Француза пятакъ, а другой далъ его товарищу двугривенный.

Пятакъ и двугривенный, какъ узналъ я тутъ же, были послѣдніе у Вольнцевъ.

6.

2. Для ближайшаго наблюденія за непріятелемъ, высылаются на ночь съ бастіоновъ и редутовъ оборонительной линіи Севастополя «секреты.» Въ ночь съ 8 на 9-е Апрѣля, изъ бастіона № 6-го былъ высланъ въ подобный секретъ 4-го сапернаго баталіона унтеръ-офицеръ Жуковъ съ 3 охотниками. Ночь была темная. Секретъ, выйдя изъ своихъ окоповъ, ползкомъ пробирался къ кладбищу, занимаемому непріятельскимъ карауломъ, и вдругъ наткнулся на Французскій пикетъ. Отважный Жуковъ не потерялъ присутствія духа: громкимъ и твердымъ голосомъ онъ скомандовалъ: *колонна вставай, — колонна пли, — колонна въ штыки, маршъ!* — Колонна, состоящая

изъ 3-хъ человѣкъ, послушная голосу своего командира, послѣ залпа, дружно ударила въ штыки на непріятельскій пикетъ, захваченный врасплохъ. Непріятель бѣжалъ къ кладбищу. Храбрый Жуковъ съ своею сильною колонною преслѣдовалъ бѣгущихъ, и для обезпеченія отступленія оставилъ въ резервѣ, какъ разсказывалъ послѣ, Суздальскій пѣхотный полкъ — т. е. охотника, рядоваго Суздальскаго полка Якова Махова, съ остальными же молодцами бѣжалъ къ стѣнкѣ самаго кладбища. Натѣшившись надъ врагомъ, Жуковъ и его колонна отошли на резервъ свой—Якова Махова, и заняли обычное мѣсто, назначенное для секрета, гдѣ Жуковъ, не смотря на проколотую штыкомъ руку, оставался до разсвѣта. Охотники были рядовые: Суздальскаго пѣхотнаго полка Яковъ Маховъ, 4-го саперпаго батальона Макаръ Попеловъ и 17-го рабочаго экипажа матросъ Бѣлогривовъ.

7.

3. 7-го Апрѣля 1855 года, Одесскаго егерскаго полка 4-й карабинерной роты стрѣлку Арефію Алексѣеву ядромъ оторвало ногу. Раненаго принесли на перевязочный пунктъ. Знаменитый хирургъ нашъ Пироговъ, осмотрѣвъ размозженную ногу раненаго, приступилъ къ операціи, во все продолженіе которой раненый лежалъ покойно. — «Достань-ка, братъ,» сказалъ по окончаніи Алексѣевъ, обращаясь къ одному изъ принесшихъ его товарищей: «въ карманѣ у меня подъ сборками шинели платокъ есть.» Егерь исполнилъ приказаніе раненаго и подалъ ему тряпицу съ узломъ. Арефій Алексѣевъ рукою и зубами развязалъ крѣпко затянутый узелъ тряпицы, вынулъ оттуда два рубля и, подавая одинъ изъ нимъ Пирогову, сказалъ: »Хорошо вы, Ваше Благородіе, отрѣзали мнѣ ногу. Возьмите себѣ половину добра

моего. Дай вамъ Богъ здоровья!» Присутствовавшіе при этомъ Медики засмѣялись. Г. Пироговъ, возвращая раненому рубль, сказалъ, чтобы онъ сохранилъ его на покупку костыля, и спросилъ, не хочетъ ли онъ чаю. «Благодаримъ-съ покорно-съ, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ Алексѣевъ, замѣтившій свою неловкость. «Если бы изволили приказать пожаловать чарку водки-съ, оно бы способнѣе было.« Выпилъ Алексѣевъ чарку водки, снова поблагодарилъ знаменитаго хирурга и прибавилъ: «Ваше Превосходительство, велите ужь дать по чаркѣ и товарищамъ моимъ: хорошо подобрали и славно несли до самаго перевязочнаго пункта.»

8.

1. Впереди Севастопольской оборонительной линіи, для ближайшаго наблюденія за непріятельскими осадными работами, передъ исходящими углами укрѣпленій, устроены ложементы, которые день и ночь занимаются штуцерными и охотниками.

Очередные не отводятъ глазъ отъ штуцера, вставленнаго въ нарочно-продѣланную между камнями ложемента крошечную бойницу, и хоть на мгновеніе появись вражья голова, щелкнетъ курокъ, и не рѣдко глядишь—кувыркнется недругъ!

12-го Мая, въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ передъ бастіономъ № 3-го, противу Англійской траншеи, сидѣла команда штуцерныхъ отъ Камчатскаго егерскаго полка.

«Смотри, смотри, закричалъ егерь Евсѣевъ—что-то катится мимо!

—Чего тебѣ катится, — аль не видишь, заяцъ бѣжитъ!

—Катай его, Кузнецовъ — на тебя бѣжитъ!..

—Не замай его,—замѣтилъ четвертый солдатикъ, — можетъ оборотень какой!..

Раздался выстрѣлъ—заяцъ убитъ.

Въ Англійскихъ ложементахъ послышался смѣхъ.

Убитый заяцъ лежитъ на срединѣ между нашими и непріятельскими ложементами.

Перекрестился Ефимъ Кузнецовъ и вслѣдъ за выстрѣломъ, схвативъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и подбѣжалъ къ убитому зайцу.

Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ, какъ Кузнецовъ былъ уже за валомъ.

Наши и Англичане, забывъ на время перестрѣлку, высунулись изъ-за окоповъ и смотрѣли на удальца.

Кузнецовъ, выбѣжавъ изъ ложементовъ, схватилъ зайца за заднія лапы и поднявъ ружье на зготовку, отходилъ къ своимъ ложементамъ.

Англичане, пораженные удальствомъ стрѣлка, встрѣтили эту смѣлую выходку единодушнымъ «ура!» и хлопали въ ладоши. Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку, поклонился, и показавъ врагамъ зайца, скрылся въ ложементъ.

Головы спрятались — перестрѣлка закипѣла.

Кузнецовъ, получившій строгій нагоняй за несвоевременную охоту, представилъ зайца Командиру полка—и посыпались рубли удалому стрѣлку... А Кузнецовъ?.. онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ — гдѣ же тутъ молодечество, — убилъ зайца — извѣстное дѣло, не бросить же убитаго!

У защитниковъ Севастополя смерть потеряла свой ужасъ.

9.

5. Въ ночь съ 10-го на 11-е Мая, на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи произошелъ страшный кровавый бой за траншеею. Подъ адскимъ огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ, наши и непріятельскія колонны ходили въ штыки; спорныя траншеи по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки и два раза егеря наши, увлеченные запальчивостію, достигали до непріятельскихъ окоповъ.

Разсвѣтъ дня прекратилъ упорный бой: полувырытыя траншеи остались въ нашихъ рукахъ; но не составляя совершеннаго прикрытія для людей, въ продолженіи дня занимались одними только охотниками изъ штуцерныхъ.

Велики были потери съ обѣихъ сторонъ; убитые и часть раненыхъ остались въ пространствѣ между на-

шими и непріятельскими работами. Въ числѣ послѣднихъ находился егерь Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, получившій пулевую и штыковыя раны.— Около 6 часовъ пополудни 11-го Мая, егерь подползъ къ нашимъ ложементамъ и, принесенный на перевязочный пунктъ, разсказывалъ слѣдующее:

«Въ послѣднюю атаку, опрокинувъ непріятеля, мы выскочили изъ траншеи, да и за врагомъ: не помню, далеко ли я пробѣжалъ, какъ одинъ изъ Французовъ пнулъ меня штыкомъ въ руку; оно бы и ничего, да въ то же время—штуцерная перебила мнѣ ногу. Ударъ прикладомъ по головѣ оглушилъ до конца. Когда я опомнился, было тихо, и только изрѣдка то бомба пролетитъ, иль штуцерная просвиститъ. Осмотрѣлся я—гляжу, шагахъ въ 30-ти непріятельскія ложементики; оглянулся назадъ—свои далеко, ощупался,—болитъ рука и нога, ползти не

могу, опереться не на что. Зубами и лѣвою рукой разорвалъ я рубашку, стянулъ рану на рукѣ и туго завязалъ ногу... Изъ силъ выбился—жажда такая, что и Господи упаси, — во рту пересохло и языкъ словно выжгло; вижу, что до своихъ не дойдешь и думаю: вѣдь не злодѣй же какой Французъ — даетъ воды умирающему... Перекрестился, да и къ ложементикамъ доползъ—сидѣло 5-ть человѣкъ.»

«Дядиньки, сказалъ я жалобно, дайте водицы, родимые, умираю.»

«Одинъ изъ Французовъ, бравый такой, подалъ мнѣ склянку съ водою, глотнулъ я водицы — такъ и ожилъ совсѣмъ. — «Спасибо вамъ, дядюшки, дай вамъ Богъ доброе здоровье» Французъ, давшій мнѣ воды, нагнулся ко мнѣ, покачалъ головою, да и говоритъ: плохо, братъ-землякъ, ты перевязанъ!» И съ словомъ этимъ

снялъ у меня съ ноги обвязку, намочилъ тряпицу, приложилъ на рану и своимъ платкомъ повязалъ мнѣ ногу— такъ и полегчило.

—«Што братъ-камрадъ, плохо?» — говоритъ Французъ.

—«Плохо» — отвѣчалъ я.

—«Правда, говоритъ Французъ: намъ еще хуже, чѣмъ вамъ—терпи!»

Выпилъ я еще водицы и силъ набрался. Спасибо вамъ, дядиньки,—дай вамъ Богъ здоровья.—Позвольте мнѣ —я поползу теперь къ своимъ.

«Ну ползи, братъ, ползи!» сказали Французы и засмѣялись. — Хорошій народъ, Ваше Благородіе, эти Французы, даромъ што враги! — Веселые, разговорчивые, да и не трусы какіе!

«Снялъ я шапку, поклонился, поблагодарилъ враговъ за ласку ихъ, да и поползъ къ своимъ — ни одинъ не тронулъ!»

Довольно тщательная перевязка раны на ногѣ, платокъ съ рисункомъ и надписью, и описаніе положенія мѣстности, гдѣ очнулся раненый, свидѣтельствуютъ, что егерь дѣйствительно былъ у непріятельской траншеи.

Языкъ, на которомъ объяснялся егерь съ своими дядиньками, понятенъ; и племянникъ, разсказывая о своихъ страданіяхъ, сопровождалъ свой разсказъ знаками, а разговоръ дядинекъ толковалъ по своимъ впечатлѣніямъ.

10.

ВЪ ДѢЛѢ 4 АВГУСТА ПРИ Р. ЧЕРНОЙ.

1. Пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича полка, 3-й мушкатерской роты рядовой Корней Тихоненко, осколкомъ гранаты былъ раненъ въ пахъ, и вынесенный изъ фронта, отданъ на носилки.

—«Постойте, братцы, сказалъ Тихоненко носильщикамъ: «пустите меня, я самъ добреду,—подберите-ка вонъ товарища,—ему, сердечному, обѣ ноги оторвало.»

Тяжело раненый мушкатеръ былъ отнесенъ на носилкахъ, а Корней Тихоненко, закрывъ одною рукою рану, а другою опираясь на ружье, кое-какъ доползъ *до перевязочнаго* пункта.

11.

2. Костромскаго егерскаго полка, 3-й егерской роты унтеръ-офицеръ Денисъ Егоровъ, жолнеръ 1-го баталйона, — извѣстный въ полку затѣйливый плясунъ, получилъ сильную рану пулею въ ногу. Падая на землю, молодецъ этотъ, показывая товарищамъ на разбитую ногу, сказалъ: *«Машъ—тоби! — теперь казачка ужь не пропляшешь.»*

12.

3. Костромскаго егерскаго полка, 9-й егерской роты, штуцерный Павелъ Фоменюкъ, извѣстенъ ротѣ своимъ хладнокровіемъ. При отступленіи полка отъ р. Черной, оставаясь нѣсколько назади своей цѣпи, штуцерный этотъ былъ атакованъ двумя Французами. Фоменюкъ, нисколько не ускоряя шага, подпустилъ къ себѣ поближе кинувшихся на него Французовъ,

вдругъ обернулся и мѣткимъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ ближайшаго. Другой же, испуганный неудачею своего товарища, бѣжалъ. Приближаясь къ своимъ, Фометокъ былъ привѣтствованъ радостнымъ крикомъ: *«Что братецъ, отдѣлался? Вѣдь онъ сбирался тебя заколоть. — А я его убилъ.»* — равнодушно отвѣтилъ штуцерный, продолжая забивать новую пулю въ свою винтовку.

13.

4. Послѣ атаки Ѳедюхиныхъ высотъ, войска наши были остановлены на позиціи, по правую сторону р. Черной, въ разстояніи малаго пушечнаго выстрѣла отъ непріятеля.

Съ батареи, выдвинутой противу лѣваго уступа Ѳедюхиныхъ горъ, гдѣ находился Главнокомандующій, около полуверсты впереди позиціи, занимаемой нашими войсками, замѣченъ былъ

одиночный солдатъ, который, послѣ каждаго сдѣланнаго имъ выстрѣла, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто.

Главнокомандующій арміею послалъ двухъ казаковъ, привести отсталаго солдата на батарею.

Прибылъ егерь лейбъ-егерскаго Бородинскаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА полка Матвѣй Шелкуновъ.

—По какому случаю ты остался сзади другихъ? спросилъ Главнокомандующій егеря.

—«Прикрывалъ отступленія раненыхъ товарищей, Ваше Сіятельство!» отвѣчалъ Шелкуновъ.

—«Былъ я въ цѣпи, — продолжалъ егерь, — подошли мы къ рѣчкѣ, — не глубже, какъ по поясъ было, — перебѣжали рѣчку; а за ней другая, — рѣка-не рѣка, а канава водяная, попробовалъ—глубоко, и вдругъ не пе-

рескочишь. — Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу—и мостиковъ не надо — цѣпь перебралась.—Врагъ сидѣлъ въ канавахъ, — мы въ штыки — многихъ перекололи, многіе побѣжали на гору. —Опрокинули мы кухню ихъ — знать кашу варили, — да и въ догонку за ними. — Въ это время, дали цѣпи сигналъ отходить назадъ,—я позамѣшкался. Отошелъ за канаву — мѣсто попалось хорошее—кустокъ былъ—я и давай палить... Кто вылѣзетъ впередъ, того и повалишь. —Разстрѣлявъ свои патроны, пошелъ я назадъ; смотрю — убитый мушкатеръ лежитъ, снялъ я съ него суму, подобралъ и ружье. Въ сумѣ были патроны, я снова за кустикъ, далъ выстрѣловъ пять, да и опять за своими. Смотрю—трое раненыхъ. Я одинъ, извѣстное дѣло — трехъ не подберешь! — *Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ!* Двое ползли, а вотъ этотъ, что

со мной прибылъ, ползкомъ бы не добрался—рана-то животовая. Какъ замѣчу, что ползуны мои отстаютъ, и я пріостановлюсь, сдѣлаю выстрѣловъ пятокъ по вражьей цѣпи, да и снова въ походъ!... — Вотъ, Ваше Сіятельство, и добрели мы кое-какъ до своихъ! — Богъ милосердъ, сохранилъ меня цѣла и невредима и благословилъ меня оказать помощь товарищамъ!...»

Лейбъ-егерскаго Бородинскаго полка роты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА стрѣлокъ Матвѣй Шелкуновъ принесъ на себѣ 5-ть ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, которыхъ онъ составлялъ прикрытіе.

14.

МАЛОЛѢТНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ СИРОТА НИКОЛАЙ ПИЩЕНКО.

27 Марта 1855 года, на другой день праздника Св. Пасхи, непріятель открылъ сильное бомбардированіе по осажденному городу Севастополю.

Въ числѣ многихъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя, былъ убитъ 37-го Флотскаго Экипажа Тимофей Пищенко. Осиротѣлъ 10-ти-лѣтній мальчикъ Николай Пищенко, находившійся при отцѣ своемъ, съ самаго начала осады, на батареѣ Забудскаго.

По смерти отца своего, Николай Пищенко просилъ позволенія перейти на редутъ Шварца и состоять при кегорновыхъ мортирахъ.

Съ Марта мѣсяца и по сіе время Николай Пищенко, безотлучно день и ночь, находится при 6-ти кегорновыхъ

мортирахъ и, подвергаясь постояннымъ опасностямъ, не смотря ни на какія убѣжденія, не хочетъ разстаться съ ними.

«Маркелами завѣдываю» — говоритъ мальчикъ—«при нихъ и умру.»

Главнокомандующій арміею Генералъ-Адъютантъ Князь Горчаковъ пожаловалъ Николаю Пищенко серебряную медаль съ надписью: «за храбрость.»

20 Августа 1855 года.

Инкерманскія высоты.

15.

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

1. На 4-мъ перевязочномъ пунктѣ въ числѣ смертельно раненыхъ находился Начальникъ Штаба Черноморскаго флота и портовъ Корниловъ. Геройскій духъ Адмирала, сопровождавшій его до послѣдней минуты жизни, доставилъ прекрасную страницу для Исторіи. Справедливость требуетъ прибавить, что твердость духа, преданность волѣ Божіей и готовность переносить безропотно ужасныя мученія, сопряженныя съ производствомъ важныхъ операцій, отъ начальниковъ перешли ко всѣмъ воинамъ Севастополя; правильнѣе сказать: эти качества обнаружились, какъ общая черта всего Русскаго воинства. Такъ портовой № 29 роты, рядовой Аѳанасій Ищенко, поступившій на второй перевязочный пунктъ, съ огнестрѣльною

раною въ лѣвое плечо, съ раздробленіемъ его кости на нѣсколько кусковъ, по объявленіи ему о необходимости отнятія плеча, сказалъ хладнокровно: «дѣлайте, что находите нужнымъ, только не давайте мнѣ того усыпительнаго спирту (хлороформу), потому, что посылаемое Богомъ страданіе должно переносить безъ всякихъ ухищреній.» И дѣйствительно, въ продолженіи всей операціи, длившейся около 20-ти минутъ, онъ не испустилъ ни одного стона, а только повторялъ: »Господи, дай терпѣнія.«

16.

2. Безсрочно-отпускной 37-го Флотскаго Экипажа матросъ Тимофей Ларіоновъ, былъ принесенъ на 2-й перевязочный пунктъ: осколкомъ бомбы ему переломило лѣвое плечо на нѣсколько кусковъ. Операцію вылущенія лѣваго плеча онъ перенесъ съ геройскою твердостію, и, на другой день, окружавшихъ его кровать, плачущихъ жену и 3-хъ малолѣтныхъ дѣтей, утѣшалъ и ободрялъ словами: «не плачьте: грѣшно оплакивать то, что произошло по волѣ Господа Бога—лучше молитесь Ему.» Жена и трое малютокъ упали на колѣни предъ одромъ воина-Христіанина, и слезы горести перемѣшались со слезами горячей молитвы къ Богу.

17.

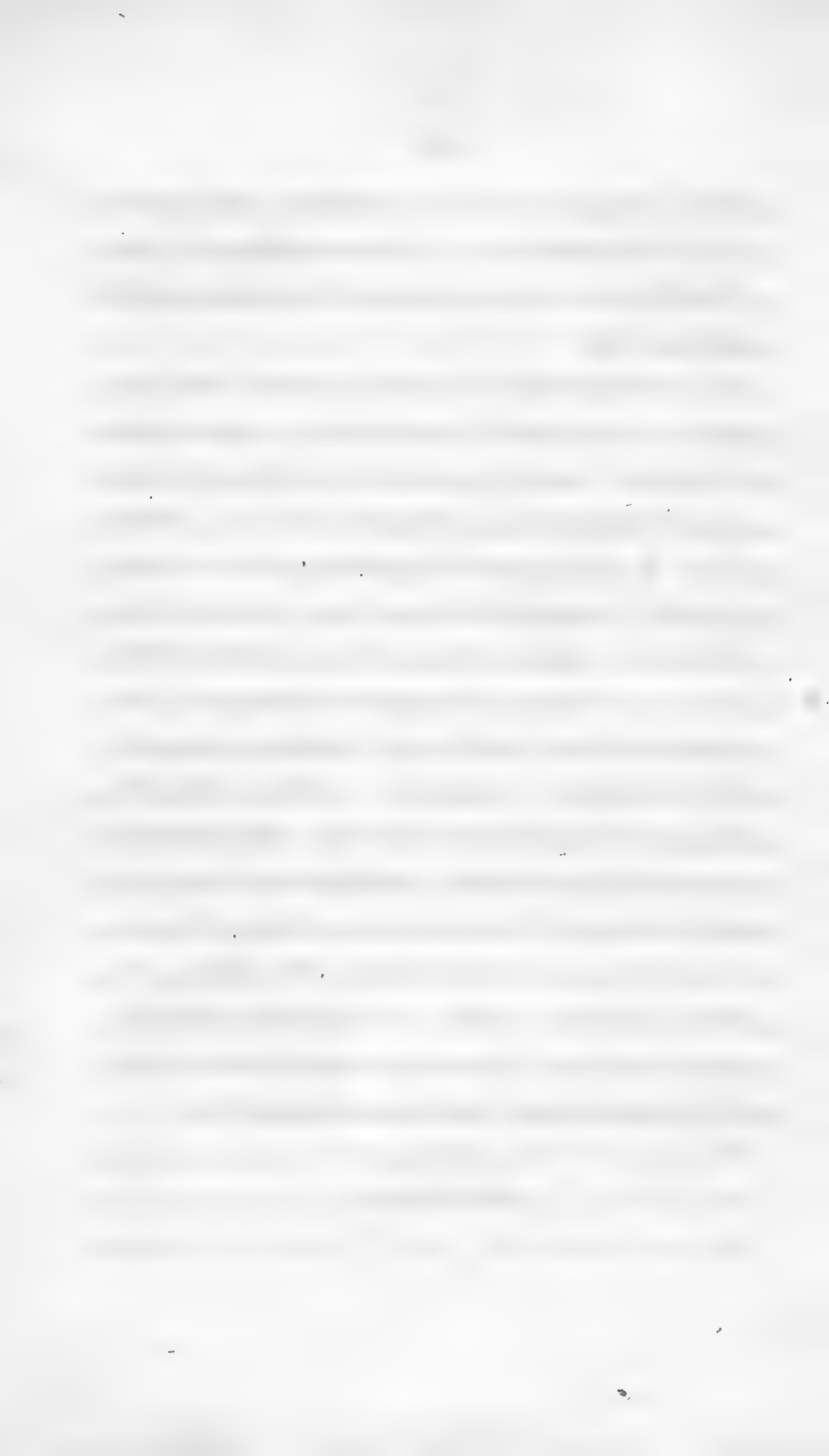
3. По обязанности моей я случайно напалъ на весьма любопытное обстоятельство: во время первой бомбардировки убитъ или померъ, между прочимъ, Цейхвахтеръ Северюковъ; — домъ и большая часть имущества его были раззорены, — и среди общей суматохи никто не имѣлъ возможности позаботиться о томъ, остались ли у него дѣти или нѣтъ; — мѣсяцъ тому назадъ, чрезъ сестру милосердія Селиванову, ходящую за Офицерами нашими въ госпиталѣ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, узнали, что въ землянкѣ, покинутой солдатами, живутъ трое дѣтей, о которыхъ никто ничего не знаетъ; — оказалось, что дѣти эти: одинъ 12, другой 10, а третій 8 лѣтъ, послѣ разрушенія отцовскаго дома, — забрали съ собою, что могли, сами переселились на Сѣверную сторону, покинутую тогда войсками, спѣшившими

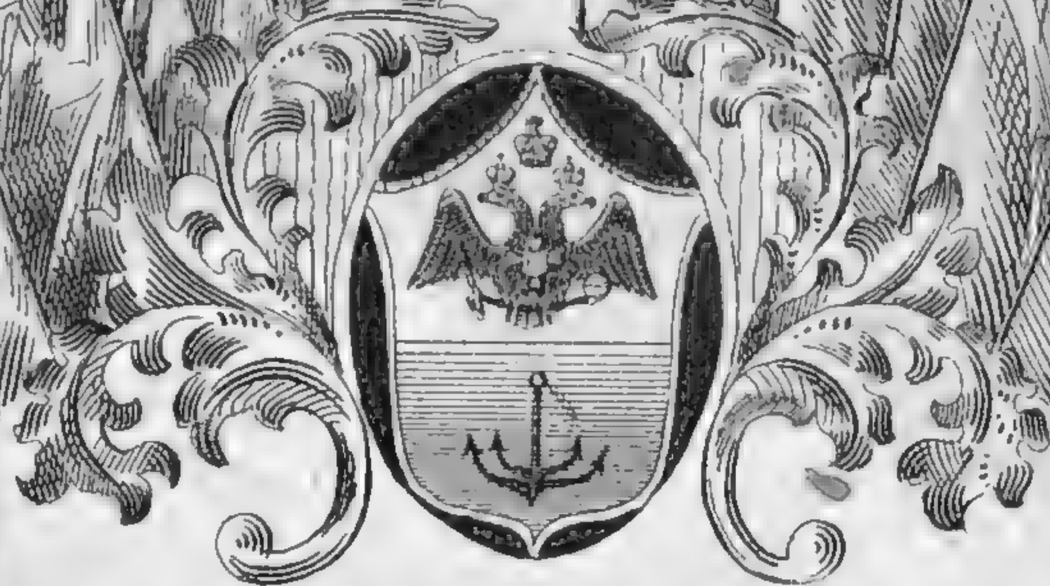
на Южную сторону встрѣтить непрія-теля, помѣстились въ землянкѣ и начали жить собственными средствами подъ командою старшаго; такъ они прожили 6-ть мѣсяцевъ и живутъ понынѣ;—средства къ жизни они извлекали изъ остатковъ отцовскаго наслѣдія, которое они распродавали по частямъ; — старшій братъ былъ главою семейства, хозяйкою и промысломъ младшихъ; сами они ходили за водою,—устроили себѣ жилище, даже добывали себѣ чаю. Когда войска снова поступили въ Сѣверное укрѣпленіе, солдаты, по добродушію своему, не тронули изобрѣтательныхъ дѣтокъ, но по свойственной безпечности не объявили о новыхъ Робинсонахъ,—и такимъ образомъ эти маленькіе молодцы прожили до сихъ поръ, пока Сестра Селиванова ихъ не открыла. Я предполагаю отправить ихъ подъ покровительство и попеченія Доргобужинова; — между тѣмъ постараюсь со-

брать подробный свѣденія объ ихъ отцѣ, семействѣ и положеніи,— и не премину донести о послѣдствіяхъ сихъ розысканій.

Если бы было здѣсь кому нибудь время собирать и описывать примѣры подобной находчивости и рѣшительности Севастопольскихъ дѣтей, смѣлыхъ питомцевъ Черноморскихъ матросовъ, можно было бы, вѣроятно, составить прелюбопытную анекдотическую исторію Севастопольскаго народонаселенія въ эпоху осады; во всякомъ случаѣ здѣшніе дѣти могутъ составить особый классъ миніатюрныхъ героевъ: между ними царствуетъ такой смѣлый духъ, что даже солдаты и матросы смотрятъ на нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на другихъ дѣтей, и никогда не сердятся, когда шалуны эти дерзко ихъ подзадориваютъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ
А. Г.
КУЗНЕЦОВА

Цѣна 50 к. с.

— 3 —

ѲОМУШКА

ВЪ ПИТЕРѢ

или

ГЛУПОМУ СЫНУ

НЕ ВЪ ПОМОЩЬ БОГАТСТВО.

СКАЗКА, ПОХОЖАЯ НА БЫЛЬ.

СОЧИНЕНІЕ

П. Татаринова.

(Изданіе второе).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 3 Ноября 1854 года.

Ценсоръ *А. Фрейгангъ.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

За горами, за долами,
За широкими морями,
Въ неизвѣстной намъ землѣ
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.
Аль не такъ? Кажись ошибся,
На чужую сказку сбился;
Яжъ по своему начну:
Чуръ же слушать.. Ни-гу-гу!

За Москвою, на сторонкѣ,
Въ старой, худенькой избенкѣ
Жилъ старикъ съ своей женой,

Да съ сынишкомъ ихъ Θомой.
Они жили, не тужили,
Рожь и просо молотили,
И вносили свой оброкъ
Какъ быть должно, въ каждый срокъ.
Объ одномъ Архипъ крушился,
Что сынишко уродился
Простоватъ и ротозѣй;
Ну да просто — дуралей.

Надъ Θомою всѣ трунили,
А подъ часъ и колотили;
Но нашъ Θомушка терпѣлъ,
Да краюшку хлѣба ѣлъ.

Мать стоитъ горой за сына
Что онъ умный де-дѣтина;
А уменъ-то онъ бывалъ,
Тогда только когда спалъ.
Ѳома вѣчно ухмылялся,
Зубы скалилъ и чесался,
И откуда что бралось?
Черезъ-чуръ ему вралось.
И отвѣсивъ свою губу,
Что не скажетъ, точно съ дубу:
Такъ всѣ со смѣха и мрутъ,
И еще смѣшнѣе ждутъ.

За одно ему спасибо:
Нашъ Ѳома селу на диво,
Не боялся и азовъ,
Читалъ бѣгло безъ складовъ.
Кузьмичева сочиненья,
И Потапова творенья,
Къ удивленію отца
Прочиталъ онъ до конца.
Горбунка-Конька Ершова,
Помнилъ онъ изъ слова въ слово;
Про Руслана и Жаръ-Птицу
И прекрасную дѣвицу,
Зазубрилъ какъ дважды два.
(Эка память, голова!)

Дѣвки Ѳомушку любили,
Часто пряникамъ кормили;
И въ деревнѣ онъ своей,
Былъ первѣйшій грамотѣй.
Идутъ дни, идутъ и годы.
Было вёдро; непогоды,
Вѣдь день на день не придетъ,
Время жъ все идетъ впередъ.
Пообросъ бородкой Ѳомка,
Опустилася избенка;
А зимой, въ Филиповъ постъ,
Мать снесли ужъ на погостъ.

И раставшився съ женою,
Долго жилъ Архипъ съ Ѳомою;
Но вѣдь вѣкъ не проживешь,
Все когда нибудь умрешь.
Заболѣлъ и нашъ Архипъ,
Не на шутку, еле живъ.
Потерялъ и зрѣнье, силу,
Кости просятся въ могилу;
Хоть ложись да умирай,
Вѣдь со смертью не играй!

Нашъ Ѳома не унываетъ,
Съ ребятишками играетъ,

Въ свайку, въ бабки предъ избой,
И доволенъ онъ собой.
Архипъ чувствуетъ кончину,
И даетъ совѣты сыну,
Безъ него какъ вѣкъ прожить,
Чтобъ не охать, не тужить.

«Ну Ѳома, я умираю,
«И тебѣ все завѣщаю;
Говоритъ Ѳомѣ отецъ
Свой предчувствуя конецъ.
«Но даю завѣтъ такой:
«Чтобы въ Питеръ ни ногой.
«Вѣдь въ столицѣ какъ извѣстно,
«Безъ тебя довольно тѣсно;
«И къ тому же ты дуракъ,
«Попадешь какъ разъ въ просакъ.
«Въ избѣ этой оставайся,
«Злыхъ людей остерегайся,
«На работѣ не лѣнись;
«Придетъ время — и женись.
«А вотъ съ этимъ сундучкомъ
«Не найдешь нужды ни въ чемъ.
И Архипъ едва привсталъ,
Въ уголъ молча указалъ.
«Все что слышалъ ты, исполни,
«И слова отца запомни;

«Когда въ Питеръ попадешъ,
«Ты погибнешь—ни за грошъ».

И старикъ не обманулся,
Съ боку на бокъ повернулся,
Вдругъ и ноги протянулъ,
Сирѣчь во вѣки уснулъ.
Объ Архипѣ всѣ тужили,
Какъ быть должно—снарядили
Въ путь далекій на покой;
И зарыли подъ землей.
День, другой, Ѳома скучаетъ
А потомъ и привыкаетъ.
Ему любо что одинъ,
Во всемъ домѣ господинъ.
И отцовскій сундучекъ
Отворяетъ дурачекъ.

Что же видитъ предъ собою?
Весь сундукъ набитъ казною:
Все бумажками, рублями,
Старой мѣди пятаками.
И Ѳома не вѣритъ самъ
Своимъ собственнымъ глазамъ.
Отъ восторга самъ не свой,

Ногъ не слышитъ подъ собой.
(Знать Архипъ то не былъ глупъ -
И къ тому жъ довольно скупъ:)
Ѳома видитъ — будетъ прокъ,
Тотчасъ двери на замокъ:
Сѣлъ, казну свою считаетъ,
Да никакъ не сосчитаетъ.
До десятка лишь дойдетъ,
А тамъ смотришь и совретъ;
Потомъ съ-изнова начнетъ,
И опять таки совретъ.
Такъ считалъ онъ цѣлый день,
Наконецъ взяла и лѣнь.

И бѣжитъ къ сосѣду въ домъ,
Чтобъ помогъ ему Пахомъ;
А Пахомъ-то не болванъ
Рубль на столъ, да два въ карманъ.
Долго такъ они считали,
Наконецъ и сосчитали;
Оказалось казны всей,
Шесть тысченокъ рублей.
Понабилъ карманъ Пахомъ,
И какъ будто бы ни въ чемъ.
Вѣрно дѣло онъ смѣкаетъ,
Ѳому въ Питеръ посылаетъ;

Обѣщаетъ горы тамъ,
А небось не ѣдетъ самъ.

«Вотъ ужъ въ Питерѣ раздолье,
«Настоящее приволье;
«Я поѣхалъ бы сейчасъ,
«Только денегъ не припасъ.
«А вѣдь тамъ тому и честь
«У кого деньжонки есть;
«Такъ ступай-ка молодецъ,
Черезъ годъ ты ужъ купецъ.
«Тамъ спроси-ка братъ Ерему,
«Приведетъ-те всякій къ дому
«Гдѣ живетъ жены своякъ.»
— Ладно, молвилъ нашъ дуракъ.
«У него живи какъ дома,
«Ты повѣрь словамъ Пахома,
«Не обидитъ онъ тебя
«Ттупай въ Питеръ не шутя.
«А чтобъ съ домомъ не возжаться,
«Такъ не лучшель съ нимъ разстаться;
«Ты его хоть мнѣ продай
«Лишь цѣной не обижай!
«Много дать я не могу,
«А въ дорогу — помогу:

Хошъ три сотенки даю,
Лишь сосѣдямъ — ни-гу-гу!
Совѣтъ Ѳомкѣ полюбился,
Онъ съ Пахомъ согласился,
Чтобъ въ столицѣ побывать,
И домишко свой продать.
Знать Ѳома отцовъ приказъ,
Позабылъ на этотъ разъ.

Разсудить я долженъ тутъ:
Что Пахомъ-то просто плутъ,
И совѣтецъ давъ Ѳомѣ,
Онъ живетъ въ его избѣ.
А нашъ Ѳомка снарядился,

Въ путь дороженьку пустился;
Все что было распродалъ,
И кошель тугонекъ сталъ.
«Ну теперь не унываю,
«Житье въ Питерѣ узнаю;
«А Пахомова своякъ
«Не введетъ меня въ просакъ.
«А какъ съ нимъ-то я сойдусь,
«Женой, домомъ заведусь:
«И чрезъ годъ Ѳома — купецъ!
Такъ нашъ думалъ молодецъ.
Хоть въ селѣ и не пускали,
Ѳомку долго унимали:
Говоря что пропадетъ,
Ѳомка ухомъ не ведетъ.

На телегу взгромоздился,
Всѣмъ сосѣдямъ поклонился;
И безъ всякихъ дальнихъ словъ;
Въ руки кнутъ — и былъ таковъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

Лентой стелется дорога,
Ѳома думаетъ немного:
Ѣдетъ точно сибаритъ,
Вездѣ деньгами соритъ:
Гдѣ же станетъ на постой,
Раскричится ой! ой! ой!
Что ни есть все подавай,
Все изъ печи вынимай:
Солонину и свининку,
Щей огромнѣйшую кринку,
Съ бѣлымъ ситнымъ молока,
Да кусище пирога,
Онъ все это не щадитъ,

За ушами лишь трещитъ;
А потомъ пойдетъ гулять,
Да орѣхи покупать.

Такъ онъ ѣхалъ не спѣшилъ,
И въ дорогѣ паномъ жилъ;
Но конецъ всему бываетъ,
Ѳома въ Питеръ подъѣзжаетъ.

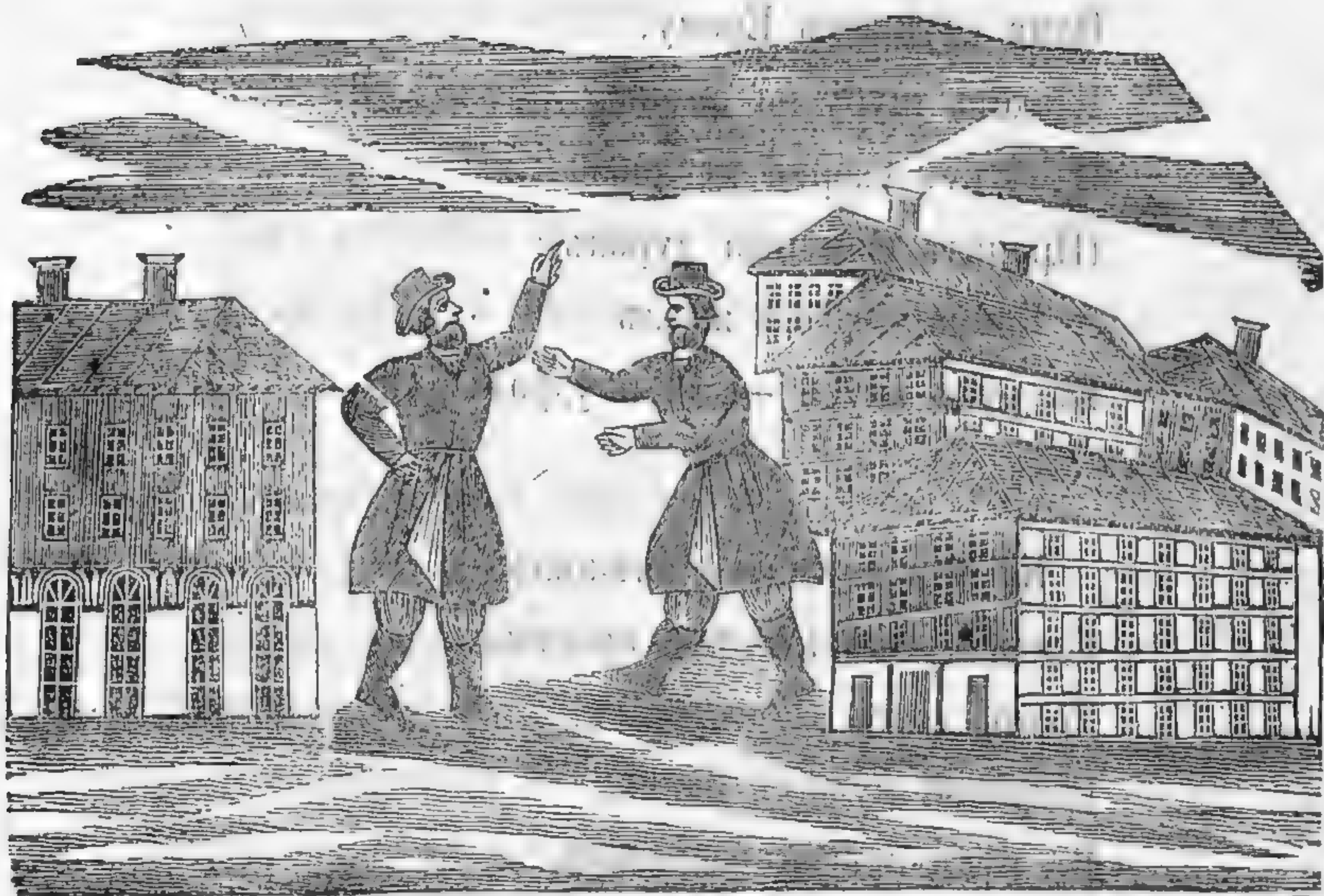
У заставы-жъ городской,
Его встрѣтилъ часовой.
«Куда ѣдешь ты мой свѣтъ?
«Покажи-ка свой билетъ.

—Ѳома прежде испугался,
А потомъ и догадался.
Видъ солдату показалъ,
Да ужъ кстати и спрошалъ:
«Какъ я вижу ты солдатъ;
«Такъ тебѣ любезный братъ,
«Чай столица вся знакома
«Скажи гдѣ живетъ Ерема?
«Онъ Пахому свякомъ,
«Да и мнѣ-то землякомъ.
«Я поклонъ привезъ большой;
«А зовутъ меня Ѳомой!

Часовой нашъ усмѣхнулся,
Къ Ѳомѣ задомъ обернулся
Головою покачалъ,
И ни слова не сказалъ.
Ѳома долго дожидался,
Но отвѣта не дождался.
И поплелся онъ шажкомъ
Отыскать Ереминъ домъ.

Вдругъ онъ видитъ предъ собою
Хвата съ рыжей бородою;
(Весь засаленный кафтанъ,
А мужикъ довольно пьянъ).

Мужикъ низко поклонился,
Въ разговоры съ нимъ пустился,
И какъ будто узнаетъ,
Съ Ѳомкой рядышкомъ идетъ:
«Аль не знаешь? Эхъ Ѳома!
«Давно ль прибылъ изъ села?
«Ну, что мой своякъ Пахомъ?
«Развалился чай и домъ.
И для встрѣчи онъ такой,
Ужъ зоветъ Ѳому съ собой.
«Хоть признаться, моя хата
«Пирогами не богата;
«Щи же, кашу мы найдемъ,
А пожалуй — и попьемъ!
Обезумелъ добрый Ѳома,
— Знать тебя зовутъ Ерема?
«Я тебя-то и искалъ;
— Ну спасибо что сказалъ,
Для оказіи жъ такой,
Угощу тебя постой;
И Еремѣ для вина
Трехъ-цѣлковная дана.

Нашъ Ерема не зѣваетъ,
И дѣлишкомъ-то смѣкаетъ;
«Не могу Ѳома никакъ
«Я идти сюда въ кабакъ.
«Меня въ Питерѣ всѣ знаютъ,
«Почитаютъ, уважаютъ;
«Тотчасъ пьяницей сочтутъ.
«А вотъ лучше дай-ко кнутъ,
«Я въ телегѣ посижу,
«Ты сходи—я подожду,
«И мы здѣсь же разопьемъ,
«Будто не были ни въ чемъ,
«А шубенку здѣсь оставь,
«Богачемъ себя не славь.

Ѳома слушаетъ Ерему,
Кладетъ шубу на солому,
И летитъ скорѣй въ кабакъ.
(Пропалъ Ѳомушка дуракъ):
А Ерема — того ждалъ
Въ руки кнутъ — да и удралъ.

Къ земляку Ѳома спѣшилъ,
Глядь... телеги слѣдъ простылъ.
Долго, долго Ѳома ждетъ,
Стороной мужикъ идетъ,
Въ рукѣ правой балалайка,
А за пазухою — сайка.
Самъ же пляшетъ, подпѣваетъ,
И Ѳомѣ глазкомъ мигаетъ.
Тутъ Ѳома нашъ догадался,
Что Еремѣ въ обманъ дался:
Не ходить бы мнѣ въ кабакъ,
Не остался я бы такъ;
Эхъ, возьми его пострѣлъ!
Хоть кошель остался цѣлъ.
О шубенкѣ потужилъ,
И въ Ямскую покатилъ.

Живетъ день Ѳома, другой,
И знакомства кругъ большой
Въ скоромъ времени завелъ.

(А занятья не нашолъ):
«Послѣ дѣломъ де займуся,
«А теперь пообгляжуся,
Такъ лѣнивецъ разсуждалъ,
И по цѣлымъ днямъ — гулялъ.

Ѳомку всюду принимаютъ
Кто чѣмъ можетъ — угощаютъ.
Точно мухи къ нему льнутъ,
Шагу сдѣлать не дадутъ.
И вездѣ Ѳома — съ толпой,
Не скупится и казной.
То и на руку друзьямъ,
И его по всѣмъ мѣстамъ
Они водятъ цѣлый день.
(Знать ходить-то имъ не лѣнь):
И Ѳома нашъ то и знай,
Подъ машиною пьетъ чай.
На бильярдѣ ужъ играетъ,
Въ три листочка задуваетъ,
А какъ пьянъ — такъ запоетъ
«Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ».

Все съ тобой Ѳома видали,
Въ балаганахъ не бывали;
А не худо бы сходить.
(Авдѣй началъ говорить):

Вотъ чудесъ-то гдѣ палата;
Я слыхалъ не разъ отъ брата,
Есть на что и посмотрѣть,
Стоитъ денегъ не жалѣть.
Есть и черти тамъ съ хвостами,
Съ преогромными рогами,
И мамзелей хороводъ,
Поютъ, пляшутъ дважды въ годъ *)
А ужъ музыка какая,
Сказать можно прелихая,
Говорятъ какъ загудитъ,
И шарманку заглушитъ.
Право Ѳомушка ступай,
«Половой афишку дай?
Кричитъ громко сватъ Авдѣй,
Ну прочтемъ-ка, что есть въ ней,
Грамотей Ѳома читаетъ
Что сегодня представляетъ
Въ-банефистъ себѣ Легатъ,
Ну идемъ Авдѣй я радъ;
Чтобъ потѣшиться съ тобою
Фишку ты возьми съ собою
Половой прими за чай,
И до завтра ужъ — прощай!
Ресторацыю оставляютъ

(*) Т. е. на святой и на масляной недѣлѣ.

Клячу важно нанимаютъ
Нашъ Ѳома и другъ Авдѣй,
Въ балаганъ спѣшитъ скорѣй;
Къ дверямъ важно подкатили,
Глядь и кассу отворили,

И народу тьма толпится.
Надо толку де добится,
Ей!.. билетъ... кричитъ Авдѣй
Дай почтеннѣйшій скорѣй.
Я читалъ въ харчевнѣ листъ,
Что сегодня бенефистъ.
Всѣ, кто были обернулись,
А иные улыбнулись,

А какой-то въ попыхахъ
Закричалъ тутъ просто страхъ:
Куда лезете болваны,
Али оба-то вы пьяны?
Маршъ ребята за порогъ.
«Да куда же ходъ въ раёкъ?
Вопрошаетъ вдругъ Авдѣй,
Да скорѣе изъ дверей,
Но Ѳома нашъ догадался,
Съ пятачкомъ сейчасъ разстался,
Показалъ имъ кто-то ходъ,
Получивъ пятакъ въ доходъ.

Отличась отъ всѣхъ нарядомъ,
Сѣлъ Ѳома съ Авдѣемъ рядомъ.
Во всѣ стороны глядятъ,
Въ тихомолку говорятъ:
«Эка невидаль какая.
«И хватера пребольшая;
«По стѣнамъ народъ сидитъ,
«Огонь въ обручѣ горитъ;
«И какъ будто на полокъ,
«Влезли мы подъ потолокъ.
«Глянь-ко, глянь-ко братъ Авдюша,
«Кажись это сидитъ Груша?
«На низку подъ нами вотъ;
«Тамъ гдѣ въ гнѣздышкахъ народъ.

— Нѣтъ Ѳома, потоньше Груша;
А вѣдь это просто туша,
— Грушу я видалъ не разъ,
Та красотка безъ прикрасъ,
Ее знаю съ давнихъ поръ.
И друзья заводятъ споръ:
Нѣтъ она! нѣтъ не она!
Поднялася глядь стѣна:
За ней комната большая,
Ѳома Грушу забывая,
Туда пристально глядитъ;
А гостей тамъ тьма сидитъ,
Впереди стоитъ дѣтина,
Въ рукахъ палка въ полъ-аршина:
Вотъ онъ ею и махнулъ,
Всякъ скорѣе сѣлъ на стулъ.
Ѳома даже испугался,
Хоръ какъ музыки раздался;
Ужь не жаль четвертака,
Отхваталъ бы трепака!

Долго, долго такъ играли,
Наконецъ и перестали.
Господинъ выходитъ тутъ,
А въ рукахъ огромный кнутъ;
И въ кружкѣ онъ очутился:
Какъ быть должно... поклонился.

Что-то странное сказалъ,
А потомъ и... убѣжалъ!
Тутъ въ ладоши всѣ забили,
(Знать объ этомъ и просили):
Нашъ Ѳома и новый другъ
Не жалѣютъ также рукъ.
Знай колотятъ, что есть силы:
Глядь, въ кружкѣ-то двѣ кобылы;
На нихъ молодецъ стоитъ,
Платье все огнемъ горитъ.
Тутъ Ѳома нашъ дивовался
Какъ на двухъ стать не боялся;
Вдругъ лошадки понеслись;
Ей! смотри не ушибись
Въ слѣдъ ему кричитъ Авдѣй;
Держи крѣпче лошадей!

Молодецъ летитъ стрѣлою,
Одной стоя лишь ногою;
Кувыркнется, привскакнетъ
Право какъ не упадетъ!
Ѳому это занимаетъ,
Онъ къ тому же примѣчаетъ,
Что одна изъ лошадей
Его собственность. — Ей! ей!
Я узналъ свою совраску,
Тотчасъ сдѣлаю огласку;

Шумъ сейчасъ же подниму
И лошадку — отниму.
«Молодецъ остановися,
«И съ савраскою простися:
«Вѣдь лошадка-то моя,
«Подъ ногами у тебя,
«Я ее сейчасъ узналъ,
«Ну насилу отыскалъ!
Не успѣлъ окончить Ѳомка:
Лучше братъ со мной пойдемъ-ка,
Говоритъ ему сосѣдъ;
Не нажить съ тобой чтобъ бѣдъ.
Нашъ Ѳома перепугался,
И невольно самъ сознался,
Здѣсь попавшися въ просакъ
Что и въ правду онъ — дуракъ!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Отыскалась ли лошадка,
То для насъ пока загадка;
Ѳома снова закутилъ,
И Анюту полюбилъ;
Спѣшить сталъ Ѳома скорѣй
Чтобъ посвататься на ней.
Пошло море разливное:
«Деньги дѣло наживное.
«Пришлось только бы пожить
«Все успѣемъ воротить,
«Такъ куда же ихъ беречь?
(Вотъ Ѳомы всегдашня рѣчь)·

И онъ такъ и поступалъ,
Просто — деньгами бросалъ.

Сукна синяго поддевку
Надѣвать имѣлъ снаровку.
Шляпу важно на бекрень,
Такъ гуляетъ цѣлый день.
Молодцомъ его прозвали,
Хоть пріятели всѣ знали
Что нашъ скоро молодецъ
Раззорится весь въ конецъ.
А Анюта не зѣвала,
Сундучишко набивала,
И смѣялась стороной,
Преисправно надъ Ѳомой.

Годъ проходитъ не замѣтно,
А у Ѳомушки примѣтно
Убываетъ капиталъ,
Кошелекъ легонекъ сталъ.
И друзей какъ ни бывало,
Время черное настало,
Ужъ трунятъ и надъ Ѳомой,
Даже бьютъ его порой.

Такова людская доля
Губитъ часто своя воля;
Нѣтъ *де* старшихъ надо мной:
А глядишь, хоть волкомъ вой!
Въ томъ живой примѣръ — Ѳома,
Въ головѣ коль нѣтъ ума,
Такъ и деньги ужъ не впрокъ.
Вотъ друзья мои — урокъ!
Ужъ не та Анюта стала,
И любовь къ Ѳомѣ пропала,
Какъ узнала дѣло въ чемъ;
Позабыла и объ немъ.
Хотя онъ и увивался,
Все богатымъ притворялся;
На послѣднія фарсилъ
И что было — заложилъ.

«Эхъ Анюта, не сердися,
«Со мной снова помирися.
«Слуху всякому не вѣрь,
«Вѣдь богатъ я и теперь
«Если любишь — согласися,
«И въ пальто перерядися
«По нѣмецки обстригись,
«И съ бородкою простись.
Говорила такъ Анюта

(Увидать желая шута):
Посмѣятся чтобы ей:
Эка совѣсть у людей!

Ѳома выслушавъ простился,
И въ цирюльную пустился:

«Малецъ, бороду обрѣй,
«И волосьевъ не жалѣй!
«Я за ними не гонюся,
«По нѣмецки обстригуся;

«И когда пошло на то,
«Я хочу носить пальто.»

Всѣ въ цирюльнѣ подивились,
Стричь и брить не полѣнились;
Полъ часа прошло, и вотъ
Сталъ Ѳома совсѣмъ не тотъ.
Упускать не надо случай:
Идетъ Ѳомка на толкучей
Сакъ-пальто себѣ беретъ,
А поддёвку продаетъ.
Въ мигъ Ѳома перерядился
Надъ собою удивился,
Когда въ зеркало взглянулъ:
«Экъ куда теперь махнулъ!
«Лишь перчатокъ не хватаетъ,
«И Анюта не узнаетъ
«Что я де Архиповъ сынъ:
«Скажетъ «*это господинъ!*»
Я впередъ увѣренъ въ томъ:
И идетъ къ Анютѣ въ домъ.

Но Анюта ухитрилась,
Превосходно притворилась

Что Θому не узнаетъ,
Разговоръ такой вѣдетъ:
«Я де сударь васъ не знаю,
«И зачѣмъ не понимаю,
«Къ простой дѣвушкѣ пришли,
«Развѣ лучше не нашли?
«Я крестьянка по рожденью,
«Тамъ не нашему умѣнью
«Съ господами рѣчь вести;
«И за тѣмъ сударь — прости!
— «Я твой Θомка!... Не узнала?
«Вѣдь сама же ты сказала,
«Чтобъ я бороду обрилъ,
А потомъ руки просилъ.

Шутишь баринъ — не обманешь,
Надо мною смѣятся станешь,
Я не вѣрю сударь вамъ:
А коль Ѳомушка ты впрямъ,
Въ прежнемъ видѣ приходи,
А покуда — погоди!
И Анюта не стыдясь,
Дверью хлопнула смѣясь.
Съ умомъ Ѳомка не собрался,
Наконецъ и догадался;
И оставшись въ дуракахъ,
Разбранилъ Анюту въ прахъ.
«Погоди же ты Анютка,
«Не пройдетъ те даромъ шутка;
«Въ свѣтѣ много такихъ краль,
«Бороды лишь только жаль.
Посердился, потужилъ,
И къ невѣстѣ слѣдъ забылъ.

Не по прежнему гуляетъ,
А подъ часъ и голодаетъ
Хлѣбъ ужъ пряникомъ ему,
Знать пришелъ конецъ всему.
Но онъ думаетъ пресмѣло,
Что поправить можно дѣло,
Стоитъ денегъ позанять,

У друзей легко де взять,—
Но Ѳома на этотъ разъ
Получилъ отъ всѣхъ отказъ.
Даже самый и Авдѣй
(Его первый изъ друзей):
Видя Ѳомушкинъ порокъ
Сталъ давать ему урокъ;
Наставленье прочиталъ,
А потомъ и — отказалъ!

«Хоть я тебя жалѣю,
«Ну, а денегъ не имѣю,
«Право съ радостью бъ помогъ?
«Ты братъ Ѳомка излѣнился,
«Въ мотовство за чѣмъ пустился;
«Жилъ-бы тише — мнѣ повѣрь,
«Не нуждался бы теперь.
«А совѣтъ тебѣ я дамъ:
«Обратись къ своимъ друзьямъ,
«Отказать тебѣ имъ грѣхъ;
«Вѣдь поилъ, кормилъ ты всѣхъ.
Такъ бываетъ за всегда,
Добро помнятъ ли когда?
Не ужель Авдѣй забылъ
Что и онъ съ Ѳомой кутилъ?

Тутъ узналъ Ѳома друзей,
И вонъ вышелъ изъ дверей.

«Что теперь я дѣлать буду,
«Гдѣ же денегъ-то добуду?
«Въ село лучше ворочусь,
«Тамъ въ работники наймусь.
И съ пустымъ теперь мѣшкомъ
Онъ пошелъ домой пѣшкомъ.
Въ селѣ Ѳомку не забыли,
Всѣмъ собраньемъ пожурили
(Безъ того не обошлось,
Ему солоно пришлось):

«Вотъ тебѣ впередъ наука.
«Что съ отцомъ плохая штука,
«Не послушалъ и пропалъ;
«Много горя ты узналъ.
«Въ чужи сани не садись
«И въ двойнѣ теперь трудись.
«Всѣ тебя мы унимали,
«Одного добра желали:
«Впередъ работай, не гуляй,

«На себя теперь пѣняй!
И изъ милости Пахомъ
Принялъ Ѳомушку въ свой домъ,
Чтобъ стерегъ его овецъ
Нашей сказкѣ же — конецъ!

ЧУВСТВО И ЛЮБОВЬ

СЛѢПЦА

КЪ

ПРЕСТОЛУ И ОТЕЧЕСТВУ.

ЧУВСТВО И ЛЮБОВЬ

СЛѢПЦА

КЪ

ПРЕСТОЛУ

И

ОТЕЧЕСТВУ.

СОЧИНЕНІЕ

лишеннаго зрѣнія

Вильгельма Скаррети.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Февраля 5 дня, 1855 года.

Ценсоръ, Стат. Совѣт. Федоровъ.

Кто не любитъ мать родную,
Кто изъ Русскихъ не готовъ
Умереть за Русь святую
Изъ семьи ея сыновъ?—
За ея права святыя,
Вѣру, Церковь и Царя,
За обычаи родные,
Къ нимъ любовію горя...
Кто одинъ противу моря
Силы вражей не пойдетъ,
И за Русь, на бранномъ полѣ,
Кто отрадно не умретъ?

Нѣтъ еще, не преставало
Солнце на небѣ свѣтить,
Сердце Русскихъ не увяло —
Бога, Русь, Царя любить.
И, храня любовь такую,
Нѣтъ въ Руси такихъ сыновъ,
Кто-бъ за родину святую,
Лечь костями не готовъ!
Всѣ они всегда готовы
Въ Бога съ вѣрою живой,
Имъ дѣла войны не новы
За родимый край родной.
Много было тѣхъ примѣровъ
Въ стары, новы времена,
Нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ,
За родныя знамена
Крѣпко Русскіе стояли
И любовь къ родной землѣ
Передъ свѣтомъ доказали,
Не потрусили нигдѣ;

Никому не уступали
Въ правомъ дѣлѣ никогда.
Сколько Русь ни оскорбляли,
А кончалось тѣмъ всегда,
Что кичливые смирялись
Передъ Руссію святой,
Въ прахъ предъ нею повергались
О пощадѣ ихъ съ мольбой.
И кого она, родная,
Отъ правдивѣйшихъ громовъ,
Всѣ обиды забывая,
Не щадила изъ враговъ?..
И побѣдъ Россіи славныхъ,
Сколько, право, счету нѣтъ —
Дивныхъ дѣлъ, самодержавныхъ!—
Знаетъ весь объ этомъ свѣтъ.
И враги Руси то знаютъ,
Какъ высоко Русь стоитъ,
Массой славныхъ дѣлъ блистаетъ,
Славой громкою гремитъ.

Еслибъ, завистью пылая,
Весь-бы свѣтъ смолчалъ о томъ,
Камни-бъ, правду возвѣщая,
Возопили бы потомъ.
И все также бы гремѣла
Слава Русская въ вѣкахъ,
И какъ солнце бы горѣла
Въ ясный день на небесахъ.
Не считая все, что было
Къ славѣ Русской въ старину,
Что ее обогатило,
Если взять въ примѣръ одну
Изо всѣхъ эпохъ въ тѣ годы,
Какъ передъ геніемъ войны
Европейскіе народы
Были страхомъ смущены;
Въ дни, когда войны грозою
Онъ Европу всю громилъ,
И кровавою рѣкою
Онъ полміра затопилъ.

Все себѣ порабощая,
Всюду ужасы свершалъ,
Жаждой бранною пылая,
Все—губилъ и разрушалъ!...
Святость кто презрѣвъ закона,
Все священное забылъ;
Кто владыкъ съ роднаго трона
Дерзко, гордо снизводилъ.
Ненасытный крови, славы,
Онъ все вдаль за ними шелъ,
И къ ужаснѣйшей забавѣ
Тьму людей на гибель велъ.
И когда тотъ грозный геній
Путь далеко простиралъ,
На кого, во изумленьи,
Міръ загадочно взиралъ,
Какъ на чудо-великана,
На причину крови, слезъ,
Какъ на генія-тирана,
Какъ на гнѣвъ благихъ небесъ?..

Всюду кровь лилась рѣкою
Мановеніемъ его !—
Той-то страшною порою,
Передъ взорами его,
Какъ послѣдняя стояла
Жертва—Русь, святая мать.
И ему не доставало
Только ею овладать,
Чтобы больше возгордиться
Славы гордостью слѣпой,
И досыта чтобъ упиться
Теплой кровію людской.
И свои онъ грозны взоры
На Россію устремилъ,
И собравши тьмы народовъ ,
Онъ предательски рѣшилъ —
Хлынуть бурею военной
На святую нашу мать ,
Чтобъ еще себя, — надменный ! —
Славой больше увѣнчать.

Но Россія—не робѣла
Бури этой для нее:
Много Русь тогда имѣла
Въ охраненіе свое,
Что теперь она имѣетъ,
Чѣмъ крѣпка, сильна она,
Что ее живитъ и грѣетъ,
Чѣмъ всѣхъ благъ она полна.
Былъ оплотъ у ней надежный:
Богъ, и Царь, и къ нимъ любовь,—
И оплотъ тотъ безмятежный
Былъ и будетъ вѣчно вновь.
Съ нимъ она не побоится,
Ни въ какія времена,
Съ тьмою тѣхъ враговъ сразиться
За родныя знамена.
И съ любовію такою,
Хоть страшна была напасть,
Въ Бога съ вѣрою живою
Оправдалась наша мать.

И на гласъ Царя священный
Русь, какъ море, поднялась,
Въ встрѣчу той толпы враждебной
Тучей грозной понеслась.
Громъ войны взаимный грянулъ,
Всколебалася земля,
Мнится, сводъ небесный воспрянулъ,
Браннымъ пламенемъ горя.
И пошла, пошла потѣха,
Закипѣлъ смертельный пиръ...
Кто-то будетъ полнъ успѣха —
Разсуждалъ въ то время міръ:
Тотъ ли, кто желалъ присвоить
Все величіе земли?
Или-жъ тѣмъ себя спокоить,
Чтобъ въ рѣкахъ людской крови,
Въ общей гибели, напасти,
Выше всѣхъ земныхъ Царей
Встать кичливой грозной властью,
И сказать Европѣ всей:

«Это я,—меня узнайте—
Тотъ, кто свыше сотворенъ!
Что велю я, исполняйте;
Это я, Наполеонъ!»

Или тотъ, кто съ вѣрой въ Бога
И съ надеждой на Него
Такъ смирилъ себя премного
Предъ величіемъ Его;
И съ любовію къ народу,
И съ любовію къ врагамъ,
Не оковы, а свободу
Всѣмъ отечески желалъ?
Кто не громовъ гордой славы
Въ бранномъ пламени искалъ;
Но, какъ Ангелъ Божій правый,
Міръ растерзанный спасалъ.
За обиды не желая
Всѣмъ врагамъ правдиво мстить,

Бога въ помощь призывая,
Шелъ весь міръ освободить.
Тотъ, надъ кѣмъ Творецъ Небесный
Показать благоволилъ
Тайный промыслъ свой чудесный;
Въ комъ такъ ясно отличилъ
Все правдивое отъ злаго,
Въ поученіе гордынь:
Къ славѣ нѣтъ пути инова,
Какъ правдивый путь единъ.
И судьбы Творца свершились:
Вся Европа спасена;
Гордость, злоба, истребились;
Всюду — міръ и тишина!..

Гдѣ кичливый врагъ надменный?
Гдѣ плоды его ума?
Сгибнулъ геній дерзновенный,
Сгасла счастія звѣзда.

Гдѣ, что въ слѣдъ ему бѣжали,
Всѣ прислужники его,
Волю злую исполняли?
Нѣтъ въ Руси — ни одного.
Силой Русской всѣ разбиты,
Всѣ повержены во прахъ:
Тѣ въ землѣ чужой зарыты;
Тѣ, нося и стыдъ и страхъ,
Передъ Ангеломъ упали
И, склонивъ главу свою,
Громко хоромъ всѣ кричали:
«Слава Русскому Царю!«
Что же, Онъ Благословенный —
Наше солнце, нашъ кумиръ,
Силой Бога окрпленный?
Всѣмъ — прощеніе и миръ.
И смиренно отвергаетъ
Онъ величіе земли,
Міру съ кротостью вѣщаетъ:
«Богъ великъ на Небеси!»

Хоры громче повторяли:
Слава Русскому Царю!
Такъ враги его кричали.
Что же въ очередь свою,
Въ знакъ любви, благодаренья,
Тѣмъ горя святымъ огнемъ
И полны благоговѣнья,
Скажутъ Русскіе о Немъ?
Нѣтъ ни словъ, ни выраженья,
Нѣтъ ни звуковъ, ни пера,
Передать души волненья,
Чувствъ сердечныхъ и ума!
Что, при этомъ вспоминаньи,
Русскій чувствуетъ вполнѣ,
И при всемъ на то стараньи
Слезы льетъ лишь онъ однѣ,—
Слезы теплыя, живыя,
Непонятныя чужимъ,
Благодатныя, святыя,
Но знакомыя роднымъ.

Въ нихъ такъ много выраженья,
Дивныхъ звуковъ, дивныхъ словъ!
То къ Творцу благодаренья,
То къ Царю Руси любовь.
Съ этой вѣчною любовью
Русь потруситъ-ли когда?
Вся она изсякнетъ кровью,
Но — за Бога и Царя.
Предъ врагами не склонится,
Грудью крѣпкой постоитъ;
Крѣпко съ ними будетъ биться,
Такъ, какъ долгъ ея велитъ.
Много снова возставали
На родную нашу мать;
Но мы вновь не преставали
Всѣхъ враговъ ея карать.
Нынѣ вновь они возстали,
Вѣчной злобой къ намъ полны,
Бой губительный начали;
Но уступимъ-ли имъ мы?

Нѣтъ! полны всегда любовью
Къ Богу, Руси и Царю,
До послѣдней капли крови
Постоимъ за насъ въ бою.
Русской мечъ не притупился,
Крѣпкой Россъ не изнемогъ,
Бить враговъ не разучился;
И его помощникъ — Богъ!
Пусть враги Руси кичатся,
Угрожаютъ намъ бѣдой,
Намъ-ли, Русскимъ, ихъ бояться,
Въ Бога съ вѣрою живой?
Намъ-ли страшно, что такъ много
Собралось ихъ тамъ и сямъ?
Мы, съ надеждою на Бога,
Всѣмъ докажемъ тѣмъ гостямъ,
Что мы, Русскіе, какъ были,
Ими будемъ вѣчно вновь,
Славу предковъ не забыли,
Въ насъ течетъ Славянска кровь!

Всѣ на гласъ Царя священный
Встанемъ твердою стѣной,
На толпу враговъ враждебныхъ
Грянемъ общею семьей.
Старъ и малъ—всѣ не отстанутъ
Совершить священный трудъ;
Всѣ, какъ львы, на бой воспрянутъ,
Всѣ за Русь, Царя пойдутъ—
И судьба Творца свершится,
Что назначилъ свыше Онъ!
Вся неправда истребится,
Распадется злобныхъ сонмъ,
Правда вновь восторжествуетъ,
Солнцемъ новымъ заблеститъ,
Взвеселится, возликуетъ,
Славой новой загремитъ!...

Слава! слава въ Вышнихъ Богу!

Слава Русскому Царю!
Слава Русскому народу
Богъ—помощникъ намъ въ бою.

Вильгельмъ Скарретка.

СОВРЕМЕННЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

сочиненія

А. Кононова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 29 іюля 1854 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

I.

Пусть Французы, Англичане,
Ѣдутъ съ флотомъ къ намъ своимъ,
Мы увѣрены заранѣ,
Что ихъ лихо угостимъ.

Хлѣбосольна Русь издавна
И весь міръ о томъ узналъ,
Что мы всѣхъ встрѣчаемъ славно,
Угощаемъ на поваль,

Вотъ сказать хоть для примѣра,
Вѣдь Синопъ свидѣтель былъ,
Какъ Нахимовъ изувѣра —
Турка лихо отчестилъ.

Такъ у насъ повеселиться
Хорошо ему пришлось,

Что съ похмѣлья охмѣлиться
Не придетъ онъ къ намъ не бойсь!

Ну, таковъ духъ Русскій вѣчно
И намъ совѣстно ей ей,
Чтобъ душевно и сердечно
Не почествовать гостей.

Вотъ и нынѣ поджидаемъ
Мы гостей съ часу на часъ
И для нихъ, навѣрно знаемъ,
Вдоволь есть всего у насъ.

Угостить ихъ намъ по Русски —
То прямая наша цѣль....
Лучше Англійской, Французской,
Имъ открыли мы Отель.

Да такую, что на диво,
Есть подобная наврядъ;
То-по Финскому заливу
И далеко за Кронштадтъ.

Пусть же гости пріѣзжаютъ.
А ужъ наши повара
Тутъ имъ все приготовляютъ —
Отъ сельдя до осетра.

Есть холодныя закуски,
Есть горячее у насъ,
Изготовленны по Русски,
То есть просто на-заказъ.

Англичанъ — они моряки
И знакомы лишь съ водой, —
Имъ въ дессертъ-морскіе раки,
Съ Финской жирною ухой;

И горячее-жаркія
Съ береговъ Финляндскихъ мѣстъ:
То-заряды боевые,
Съ пылу огненный бифштексъ.

А Французамъ — имъ не ново,
Просимъ ихъ на материкъ;
Имъ холодное готово, —
То трехгранный Русскій штыкъ.

Такъ пожалуйте-жъ къ закускѣ,
Рады мы гостямъ такимъ;
Угостимъ мы васъ по Русски
И холоднымъ и жаркимъ.

═

2.

Монсье и Сэръ, напрасно вы
Такъ забираетесь далеко;
Нѣтъ, несносить вамъ головы
Въ защитѣ мнимой лже-пророка.

Въ попыткахъ вашихъ толку нѣтъ,
Вы проиграете здѣсь съ ними...
Вѣдь наша Русь, ужъ съ давнихъ лѣтъ,
Славна побѣдами своими.

Забыли вы?... Не мудрено!..
Мы такъ васъ побѣждали часто,
Забыть не трудно... Все равно,
Начнемъ хоть лѣтъ за полтораста,

Напомнимъ, какъ кичливый Шведъ
Вступилъ въ споръ съ Русскою державой;
Вы знаете, какой отвѣтъ
Ему былъ сдѣланъ подъ Полтавой?

Потомъ и Турокъ... ну объ немъ
Не стоитъ говорить ни слова...
Намъ бить ихъ право ни почемъ,
Побѣды наши имъ не новы.

Тамъ Рымникъ, Туртукай вполнѣ
Напоминаютъ насъ по нынѣ
И возвѣстили всѣмъ онѣ
О Матушкѣ Екатеринѣ.

А нашъ Суворовъ — Аннибалъ,
Кто шелъ чрезъ Альпы, безъ преграды?..
Онъ всюду гналъ и побѣждалъ
Враговъ Россіи безъ пощады.

Теперь припомните ко вы,
Монсье, спокойно, не въ азартѣ,
О вашемъ Геніѣ молвы —
Наполеонѣ-Бонапартѣ.

И пусть отъ васъ услышитъ сэръ,
Какъ, съ многочисленной толпою,

Наполеона, напримѣръ,
Кутузовъ встрѣтилъ подъ Москвою.

Какъ грозно зазвучалъ въ ушахъ
Французовъ громъ нашъ Бородинскій,
И какъ позналъ свой стыдъ и страхъ
Вашъ геній Тактики военской.

Вы разскажите, не тая,
Какъ мы Французовъ угощали
И какъ они у насъ поля
Костьми своими наполняли.

Вы о Березинѣ у насъ,
Про Кульмъ и Лейпцигъ подтвердите
И какъ потомъ въ Парижѣ васъ
Мы посѣтили, — объясните.

Вамъ Русскій штыкъ знакомъ давно
И силу вы его видали,
Но въ Альбіонѣ, знать, его
Еще чудесъ не испытали.

Такъ къ пользѣ вашей, и въ примѣръ
Другимъ, о немъ вы разскажите,
Не то Monсье и другъ вашъ Сэръ
Ужъ послѣ насъ неосудите.

Въ своемъ чаду азартномъ вы
Забрались больно ужъ далеко,
Такъ несносить вамъ головы
Въ защитѣ мнимой лже-пророка!

═

3.

Пусть къ намъ идутъ, коль досужно,
Англичанинъ и Французъ;
Мы готовы встрѣтить дружно
Нечестивый ихъ союзъ.

Для достойной Русскихъ цѣли
Вѣдь на Турокъ мы пошли,
Но враждою закипѣли
Эти двѣ на насъ земли.

Имъ досадно, видишь, стало,
Что спасаемъ Христіанъ,
Но когда же то бывало,
Чтобъ мы шли за Мусульманъ?

Такъ, во имя Магомета,
Заключивъ между собой
Связь, противную для свѣта,
Идутъ къ намъ они войной.

Ну, чтожь, пусть, война умножитъ
Только славу Христіанъ,
Но вотъ какъ то имъ поможетъ
Магометъ и Алкоранъ?

Дружно-жь въ бой, къ святому дѣлу
Справедливостью горя…
Мы съ врагомъ сразимся смѣло
За Христа и-за Царя!

═

4.

— «Эка притча!... Говорятъ,
Что къ намъ ѣдетъ супостатъ!
Что-жь онъ это взбѣленился,
Аль совсѣмъ ума лишился!..
Нашу Русь ужъ знаетъ онъ...
Зададимъ какъ разъ трезвонъ!
Вотъ въ двѣнадцатомъ-то, то же
Къ намъ приплелся онъ, и чтоже?..
Было два десять языкъ,
Да вѣдь Русскій Богъ великъ!
Такъ мы лихо ихъ щипали,
Что врага, отъ насъ, едвали
Треть успѣла лишь уйти...
Всѣ остались на пути.
Гдѣ замерзли, гдѣ убиты...
Да и вождь то ихъ сердитый,

Какъ его бишь... Бонапартъ,
Какъ, дружокъ, не лезъ въ азартъ,
Ума разума не слушалъ,
Глядь — анъ грибъ у насъ и скушалъ.
Ну, вотъ то-то же и есть,
За чѣмъ въ даль такую лезть!
Вѣдь не даромъ рѣчь ведется:
«Коль кувшину приведется
«Часто по-воду ходить, —
«Ему голову сломить.»
Такъ и эти басурманы,
Хоть сказать и Англичаны,
Ну, за чѣмъ они идутъ?
Что у насъ они найдутъ?,...
Али дома не сидится?
Аль хотятъ прохолодиться? —
Такъ пожалуйте, у насъ
Есть купальни и для васъ.
Напримѣръ: въ Балтійскомъ морѣ —
Знай, купайся на просторѣ,
Вы-же плавать мастера,
Да и лѣтняя пора!....
А что Русское вамъ лѣто
Будетъ сильно жарко, — это
Вѣрно, какъ нельзя сказать.
Вотъ извольте испытать.
По неволѣ отправляться
Вамъ придется покупаться
И, коль сдѣлаете честь,
Кстати и ухи поѣсть.
Скажемъ также о Французѣ,
Что съ Британцами въ союзѣ;

За чѣмъ онъ сюда катитъ,
Аль давно у насъ небитъ?
Знать Французы позабыли,
Какъ мы здѣсь ихъ проводили,
Какъ они бѣжали вспять.....
Чтожь несетъ ихъ къ намъ опять?
Вѣдь у насъ имъ, безъ сомнѣнья,
Будетъ тоже повторенье;
Аль хотятъ взять на авось?
Но авось въ войнѣ хоть брось!
Али въ той они надеждѣ,
Что во Франціи, какъ прежде,
Есть еще Наполеонъ,
Такъ и выручитъ ихъ онъ?....
Нѣтъ, отъ дядюшки далеко!....
Тотъ хоть въ Тактикѣ былъ дока,
А племянникъ?... о, куда!
Какъ отъ хлѣба лебеда!
Въ немъ того ужъ не найдется.
У насъ также рѣчь ведется
Межъ народу,.., какъ бишь?... Вотъ:
«Хоть Ѳедотъ ты, да не тотъ!»
Такъ и тутъ: Пусть онъ владыка
Все же птица не велика,
Да и Франція его
Не возьметъ съ нимъ ничего.
Ну-съ для этихъ обстоятельствъ
Чай довольно доказательствъ
Для гостей изъ чуждыхъ странъ —
Какъ буяновъ Англичанъ,
Такъ и тощаго Француза....
Толку нѣтъ отъ ихъ союза,

Будетъ имъ отъ насъ бѣда:
Поколотимъ — какъ всегда!
Не дадимъ себя въ обиду,
Хоть смирны, радушны съ виду.
А затронутъ — берегись,
Примемъ такъ, что лишь держись.
Объ Россіи Православной
Знаетъ цѣлый свѣтъ издавна,
Знаютъ всѣ, какой народъ
На Святой Руси живетъ;
Какъ отчизну почитаетъ,
Какъ животъ свой полагаетъ
Онъ за Батюшку-Царя
Къ нему вѣрностью горя.
Ну, что много изъясняться!..,
Стоитъ лишь врага дождаться,
А прійдутъ, такъ зададимъ
Мы лихаго перцу имъ;
Отобьемъ какъ разъ охоту,
Не спросясь соваться въ воду,
И въ Россіи ужъ наврядъ
Поживится супостатъ:
И Французы басурманы
И буяны-Англичаны.

Вгр. на : отс. обложка с загл.:

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Татаринов, П.

«Морской рак», или Шаг вперед, да два назад. Соч. Петра Татаринова. Спб., тип. Эйбертa, 1854.

ХРАБРОМУ ПОБѢДИТЕЛЮ

— б —

КРОНШТАДТА

СЭРУ ЧАРЛЬЗУ

НЕПИРУ.

Спб., 1854

Пров. по Эйлерт.

СОВРЕМЕННАЯ ПѢСНЬ
ПРО
НЕПИРА.

Ну, Непирушка, голубчикъ,
Покупай скорей тулупчикъ;
Право *озябешь*! (*)

Вѣдь на Балтикѣ свѣженько,
Береги себя маленько;
А не то умрешъ!

Хоть въ Кронштадтѣ и теплѣе,
Вы же къ Русскимъ холоднѣе;
Такъ не грѣетъ вась.

Стороною говорили,
Что вы хоромъ повторили;
Что давно ужъ пасъ!

Отъ Кронштадта отступились,
На Аландъ идти рѣшились,
И давай взрывать.

Не готовыя строенья,
Башни, Форты, укрѣпленья;
Дали себя знать!

Но холера помѣшала
Вамъ пріятели не мало.—
Позабытъ Аландъ!

(*) Такъ говорится въ простонародье.—

И давай скорѣй Богъ ноги,
Не попасть чтобы на дроги.—
Потерпѣлъ дессантъ!

Какъ Непиръ не расхрабрился,
Только въ Данію пустился,
Уголокъ искать.

Чтобъ немного оживится,
Можетъ статься— полѣчится,
На зимовку стать.

Рано, рано, протрубили,
Что Кронштадтъ со всѣмъ разбили.—
А онъ все стоитъ.

Смѣло гостя поджидаетъ,
И за медленность ругаетъ;
А Британцу стыдъ!

Честь и слава Англичанамъ,
И Французамъ, басурманамъ,
Заслужили честь!

Сколько рыбы по набрали,
Сколько бѣдныхъ обижали?
Чтобъ чужое съѣсть

Наши Русскіе солдаты,
Въ ремеслѣ вамъ не собраты;
Дѣйствуютъ мечемъ:

Отдадутъ свое скорѣе,
Изъ враговъ кто голоднѣе,
—Это ни по чемъ!

Мы отъ стужи не страдаемъ,
—Веселимся и гуляемъ,—
Молимъ всѣ Творца!

Да хранитъ Онъ Русь Святую,
Не пошлетъ ей долю злую,
Для Царя-Отца!

Врагъ коварный обманулся,
Но теперь уже очнулся;
И впередъ же знай:

Не подъ силу съ Русскимъ драться,
Смѣло можете сознаться.»
Славенъ НИКОЛАЙ!!!

НЫНѢШНІЕ ДРУЗЬЯ.

БАСНЯ.

Бульдогъ съ Лисицей подружились,
Между собою согласились,
Чтобы съ обща звѣрей ловить
Добычу по ровну дѣлить.—
Бѣгутъ стрѣмглавъ въ чужой лѣсокъ,
И жаждутъ лакомый кусокъ
Скорѣе получить
И славный подвигъ совершить!
Присѣли . . . . . ждутъ . . . . а стороною,
Преважно, медленной стопою,
Идетъ огромный Левъ.—
—Бульдогъ открылъ свой зѣвъ
Но пятится назадъ.
И встрѣчѣ онъ не радъ!
Лисица съежилась; и въ споръ пустились,
Кому начать изъ нихъ.-«Ты болѣе озлилась»
-Кричитъ Бульдогъ: «ну начинай»
Смотри же Льва не упускай!
Вѣдь ты любезная сестрица,
Ловить воронъ премастерица.
Потомъ бы я помогъ!
Нѣтъ, начинай-ко ты Бульдогъ!
Поднялся крикъ . . . а Левъ глядитъ,
Обоихъ жизнію даритъ,
И мимо ихъ прошелъ,—
Конецъ же твой пришелъ.

Бульдогъ ругается отъ злости.
 Твои пощупаю я кости,
  И только это онъ сказалъ:
 Лисицу тутъ же разтерзалъ.

Таковъ и нынѣшній союзъ.
Не наживи бѣды Французъ!
—Смотрите, новые друзья,
Чтобъ не сбылася баснь моя!

ЛОРДУ
ПАЛЬМЕРСТОНУ.

Честь и слава Пальмерстону!
Онъ для важности и тону,
Русь себѣ беретъ.

Раздѣляетъ на частицы, —
Мы достигнемъ и столицы:
Въ Митингѣ оретъ!

И Карлуша выступаетъ,
Предъ собраньемъ возглашаетъ:
Я за все берусь!

И Кронштадтъ не уцѣлѣетъ,
Непиръ справиться съумѣетъ,
Лихо подерусь!

Всѣ мгновенно поздравляютъ,
Дружно, хоромъ повторяютъ:
Здравствуетъ Герой!

И Непирчикъ, въ восхищеньи,
Въ винномъ, просто упоеньи,
Самъ почти не свой!

Смѣло въ Балтику пустился,
Въ Брагестадѣ отличился;
Значитъ очень смѣлъ! (*)

(*) Особенно противъ беззащитныхъ.

Но Кронштадта испугался,
И какъ видно догадался:
Что грибокъ онъ съѣлъ.

Пальмерстонъ ошибку видя.
Хотя Русскихъ ненавидя,
Знаетъ безъ затѣй;

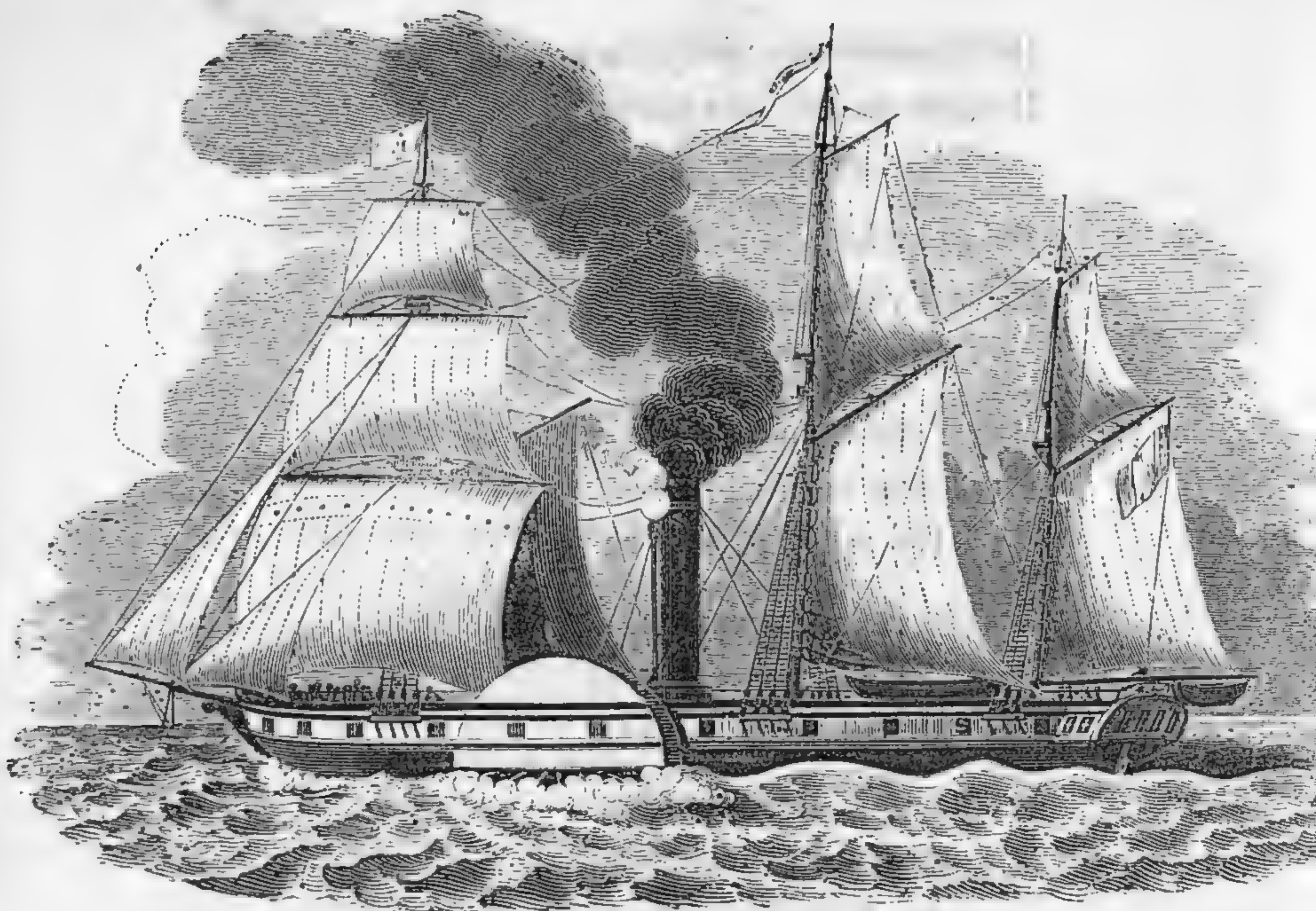
Что Россія неслабѣетъ,
Годъ отъ года богаетъ,
Ну пропалъ ей, ей!

И плечами пожимаетъ,
Часто, часто повторяетъ:
Не на тѣхъ напалъ!

И Непиръ не отличился,
Отъ Кронштадта отступился,
Не Героемъ-сталъ!

Пальмерстонъ же, Лордъ, въ досадѣ,
Что Непиръ теперь въ засадѣ,
Вскрикнулъ наконецъ:

Рѣшено! . . . . . я уступаю!
И невольно возглашаю:
Русскій-молодецъ!

ПѢСНЬ

балтійскаго флота.

Какъ у нашихъ Финскихъ скалъ,
Адмиралъ Непиръ стоялъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Руси издали грозилъ,
Лососинушку ловилъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Уху славную хлѣбалъ,
Шведовъ лихо обиралъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Ему въ Балтикѣ раздолье,
Настоящее приволье.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Эхъ, къ Кронштадту подберусь,
Право славно отличусь!
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки, люли!

И выходитъ что Герой,
Радъ уйти скорѣй домой. —
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Ужъ когда-бы это зналъ,
Отъ Кронштадта-бы бѣжалъ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

Такъ ошибся знать Непиръ!
Русскій славится на міръ.
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки, люли!

Ужъ уважимъ Англичанъ
Славно Турокъ-басурманъ!
Ай люли, ай люли,
Ай люлюшеньки люли!

И тогда Непиръ прости,
Ай люлюшеньки люли!
Ай люли, ай люли.
Ай люлюшеньки люли.

ПЕТРЪ ТАТАРИНОВЪ.

Въ типографіи Экбертса.

Печатать позволяется, С.-Петербургъ, 10 Сентября 1854 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

Письмо молодаго солдата изъ Севастополя къ матери, писанное надругой день инкерманскаго дѣла.

—

Сюда дожди и непогоды
Летятъ на южный небосклонъ,
Сюда Европы воеводы
Французъ и гордый Альбіонъ,
И Турокъ съ бритою башкою
Подъ стѣны наши воевать,
Пришелъ онъ ихнею тропою
Русскихъ грозно побѣждать.
И всѣ, собравшися толпою,
Не знали что тутъ начинать,
Любуясь нашею страною;
Наконецъ принялись работать,
Батареи возводить,
Чтобъ стѣны русскія громить.

Что ночь, то новы укрѣпленья
Со всѣхъ сторонъ такъ и растутъ,
И русскіе ихъ безъ исключенья
Поутру разобьютъ.
Кой-какъ немного батарей
У нихъ осталось неразбитыхъ —
И пламя потекло струей
Изъ пушекъ неподбитыхъ;
Гранаты, бомбы къ намъ валятся
То въ домъ, то на проспектъ садятся;
Одна тутъ грозно разлетѣлась,
Другая, цѣлая, усѣлась
И сотни ихъ летятъ заразъ —
Вотъ здѣсь чѣмъ подчуютъ у насъ!

Издалеча прикатили
Эти гости къ намъ сюда
И, признаться, поспѣшили...
Да то одно бѣда,
Воды въ уху́ имъ не хватаетъ
Да здѣся трудно и достать:
Пускай султанъ хоть присылаетъ,
Да все же нечего лизать;
А провіантъ его найдется
У нихъ довольное число;
А какъ казакъ къ нимъ завернется —

И все очиститъ подъ гребло.
Русскимъ надо это такъ,
Проучить чтобы зѣвакъ.

Огромный флотъ они прислали
Въ Балаклаву и даже къ намъ.
Да спросите, что же взяли?
Я думаю извѣстно вамъ.
Намъ бурю Богъ послалъ въ защиту
И ихъ порядкомъ наказалъ,
И эту вражескую свиту
Почти всю на мель посажалъ,
Линейныхъ транспортныхъ судовъ
Десятка съ три я насчиталъ,
И съ нимъ фуфаекъ и чулковъ
Довольно въ море Онъ убралъ.
Пускай же помнятъ суевѣры,
Какіе Богъ послалъ примѣры.

А ты, любезная старушка,
Напрасно тужишь обо мнѣ,
У насъ здѣсь каждый день пирушка;
Я живу въ родной семьѣ,
Родные дяди мнѣ — солдаты
И есть пріятели, друзья.
Да ты бъ взглянула что̀ за хваты!

Однимъ словомъ — ужь семья!
Давно ученья здѣся нѣтъ:
Всегда практически стрѣльба;
Въ работу ходимъ мы чуть-свѣтъ
Съ намъ барабаны и труба —
Вотъ кáкъ мы здѣся веселимся!
Авось, родная, отличимся.

Теперь, матушка родная,
Прошу, молися обо мнѣ;
Чтобъ воля Божія святая
Меня спасала на воинѣ;
Чтобъ послужить отцу родному
Россіи-матушкѣ, Царю
Да и отечеству святому,
А также Божью алтарю;
Чтобъ намъ враговъ и суевѣровъ
По русской модѣ угостить
Во славу дѣдовскихъ примѣровъ
Ихъ изъ Россіи отпустить;
Чтобъ Русь святую понимали
И носу больше не совали.

Они забыли годъ святой,
Когда въ Москву ходили пировать
И грозной насъ пугать войной,

И дѣды твердо стали отвѣчать.
И подлинно отвѣтъ имъ данъ геройской,
Какого лучше быть недолжно;
И теперь, чаї, пиръ московской
Они читаютъ осторожно.
И послѣ этой перемѣны
Они, немного погодя
На Островѣ Святой Елены
Своёва спрятали вождя.
И дѣдъ тогда мой отличился;
Домой съ крестами воротился.

И я его хочу примѣру
Послѣдовать, родная:
Хоть умереть, да кавалеру —
На это воля есть святая.
Теперя, матушка, послушай,
Я про себя тебѣ скажу:
Вотъ эта былъ недавно случай....
Я нездоровъ теперь сижу,
Я точно такъ же раненъ въ руку,
Какъ дѣдъ покойничекъ мой былъ —
Легко; да пусть хотя въ науку,
За-то и крестикъ получилъ.
Я хоть рекрутъ, напримѣръ,
А все теперь ужь кавалеръ.

Тутъ Ихъ Высочества стояли,
Гдѣ бомба вдругъ разорвалась;
Они какъ-будто не видали,
Рука моя лишь подалась.
Здѣсь, на долинѣ Инкерманъ,
Сражались мы съ разсвѣту
И десять тысячъ Англичанъ,
Похерили изъ счету.
Французамъ пусть Бородино,
Англичанамъ Инкерманъ —
Для насъ вѣдь все-равно,
Да и они считаются друзьямъ;
Намъ теперя незавидно,
Тому и другому необидно.

Вотъ чѣмъ мы подвигъ совершили
И знать заставили враговъ:
Мы ихъ посвойски угостили
Не ускользнули отъ штыковъ;
А имъ ненравится ужасно
На поединокъ выходить;
А для насъ этакъ прекрасно,
Двухъ-трехъ на штыкъ ихъ посадить.
Я разсказалъ бы вамъ подробно,
Признаться, время не имѣю

Да и рукою такъ удобно
Еще теперь я не владѣю.
Теперь, покудова, прощайте
Извѣстья снова дожидайте.

24 октября 1854 года

ИНКЕРМАНСКАЯ БИТВА У СЕВАСТОПОЛЯ.

Зари не видно за туманомъ,
Не слышно шуму роковаго,
Мертвый сонъ подъ Инкерманомъ,
Лишь ходъ цѣпнова часоваго
Вдали чуть слышно шеберститъ —
То шагъ за шагомъ раздается,
То вдругъ опять онъ замолчитъ
И на грозный штуцеръ свой опрется.

Онъ слушаетъ издали тревоги,
Чтобъ непріятель не напалъ,
Или чтобъ съ лагерной дороги
Начальникъ вдругъ не подскакалъ:
Бѣда — застанетъ задремавши:
Отдать подъ судъ тотчасъ велитъ;
Или казакъ, арканъ свой взявши,
Его внезапно потащитъ.

Мечтаетъ: вдругъ и генералъ
Спросилъ: «ну, все ли слава Богу?»
Солдатъ проворно отвѣчалъ
Что еслибъ чуть — и онъ тревогу
Сейчасъ бы застрѣлялъ.
И генералъ вернулся въ поле
Въ свой лагерь маршъ и поскакалъ,
И не видалъ солдата болѣ.

И онъ опять маршировалъ
То тихо, то проворно;
Какимъ судьбами, не видалъ,
Казакъ и петлю самовольно
Ему на шею затянулъ
И Британецъ онѣмѣлый
Проворно вѣчнымъ сномъ заснулъ,
Заброся штуцеръ свой гремѣлый.

Невдалекѣ потомъ штуцерный
Выстрѣлъ вдругъ раздался
И батальонъ тутъ русскихъ цѣлый
Силъ внезапно показался
И началъ быстро проникать
Сквозь цѣпь бивакъ успокоенный,
Но не хотѣлъ лишь показать
Свой строй, внезапно появленный.

Вдругъ перестрѣлка завязалась
Изъ штуцерныхъ впередъ
И потомъ ужь разыгралась
Артиллерія; и вотъ
Въ англійскомъ лагерѣ проворно
Палатки въ воздухъ полетѣли,
А другія самовольно
На землю, сплюснувши, присѣли.

И вѣсь всполошенный бивакъ
Нечаянной тревогой и нежданной
Кричитъ: «напалъ на насъ Русакъ!
О, лжепророкъ! ты, окаянный!
Зачѣмъ до насъ ты допустилъ?
Взгляни, какъ бьетъ немилосердно;
Онъ тысячи заразъ насъ погубилъ,
А самъ еще почти безвредно.

—«О, турецкой Магометъ и лжепророкъ!
Съ тобой напрасно мы связались:
Худой въ тебѣ мы видимъ прокъ;
Твои поклонники давно ужь разбѣжались.»
«Глупцы вы, Запада народы,
Въ отвѣтъ сказалъ имъ Магометъ
И не въ нынѣшніе годы
Надъ вамъ смѣялся тоже свѣтъ.»

«Много ль лѣтъ прошло тому,
Какъ вашъ союзникъ былъ въ Руси?
Спросите: каково ему
Въ Березинѣ понравилися караси,
Иль не слыхали вы, какъ по Парижу
Головорѣзы (*) ѣздили въ разъѣздъ?
И васъ, я также вижу,
Они посадятъ на нашестъ.

Ихъ командиры не Пальмерстонъ
И не Нэпиръ, хвастунъ балтійскій;
Тутъ Меншиковъ, свѣтлѣйшій онъ—
Вотъ командиръ россійскій,
Не нынче славный онъ герой
И съ нимъ два Князя молодые
При звукахъ битвы роковой
Летаютъ какъ знамена святыя.

Орломъ летали передъ вами,
А вы предъ нимъ, какъ спать ложились,
Поля усѣяли трупами
И отъ орудій отступились:
Тогда вамъ было не до нихъ,
Пошли Господь скорѣй убраться
И турокъ вспомните моихъ —
Надъ нимъ не станете смѣяться.

(*) Союзники такъ называютъ казаковъ.

Ну что же вы, какъ звѣри,
Собравшись съ Запада. Востока
Къ намъ драться прилетѣли
Во славу лжепророка?
Иль Севастополь славный, грозный
Взять вамъ нужно непремѣнно
И русскій флотъ побѣдоносный
Увѣсть иль сжечь такъ откровенно?

Нѣтъ; вы не туда попали,
Изъ васъ не вздумалъ ни одинъ...
Иль вы доселѣ не слыхали,
Что имъ правитъ Константинъ,
Сынъ царскій Князь Великій
И также Меншиковъ-герой?
Охъ вы, народецъ полудикій!
Ужь вамъ ли насъ пугать войной!

Безъ ихъ осмѣлился спросу
Прислать туда огромный флотъ,
Да что-же показать боитесь носу?
Иль Константиновскій вамъ страшенъ
фортъ?
Вы разъ помѣрялися съ нимъ,
Да счастье ваше, что штиль былъ,
Дымъ облакомъ повисъ надъ нимъ,
А то онъ васъ бы угостилъ!

Довольно, хвастуны лихіе,
Довольно сытости нашли
И ваши славные фрегаты винтовые
Лечиться въ доки ужь ушли,
На сушѣ возлѣ стѣнъ поближе
Настроили вы славныхъ батарей;
Прошу и здѣсь шумѣть потише:
Великихъ двое здѣсь Князей.

Они давно душой и сердцемъ
Принять готовы, гости, васъ —
Пожалуйте; прикажутъ угостить ухою съ
перцемъ,
Которая давно сготовлена для васъ.
Напрасно, гости дорогіе,
Себя не помните, что вы,
Ныньче годы небылые
И съ вамъ не геній вѣдь молвы.

Европу цѣлую шагамъ своимъ измѣрялъ
И свѣтъ предъ нимъ весь трепеталъ,
И грозной Руси онъ отвѣдалъ
Съ ней въ дружбѣ быть онъ предкамъ
завѣщалъ.
Его потомокъ недостойный,
Племянникъ Лудвигъ Наполеонъ,
Онъ не то что былъ покойный:
Хотя великъ, но не силёнъ,

Фальшивый слухъ распространился,
Что Севастополь въ его рукахъ,
Домъ Инвалидовъ побѣду извѣстилъ,
А потомъ остались въ дуракахъ.
Вѣсть о побѣдѣ разнеслася
Парижъ въ восторгѣ напримѣръ
И крикомъ радостнымъ слилася
Толпа, читая Мониторъ.

И до битвы инкерманской
Заздравный тостъ Парижъ хлебалъ;
Грокъ тамъ былъ хоть англійской,
Но веселья все не предавалъ.
Да адъютантъ, что Канроберъ генералъ
Послалъ въ Парижъ депешу съ вѣстью:
Нечаянно дорогой потерялъ —
Вамъ это кажется и честью.

Стыдитесь, великіе народы,
Кидаться къ выдумкамъ подобнымъ!
Иль вы въ нынѣшніе годы
Пиратамъ пишетесь свободнымъ,
Вы посмотрите на дѣла
Противниковъ своихъ:
Не Франція ли честь имъ отдала
За храбрость и за справедливость ихъ?

Въ разгарѣ бой кипѣлъ кровавой;
Два Князя Руси юныхъ лѣтъ
Дралися съ шумною державой
Стыдомъ омѣтили ей слѣдъ
Въ ихъ хладнокровномъ пребыванья
Среди валящихся снарядовъ
Кипѣлъ, на Бога въ упованьи,
Могучій штыкъ русскихъ отрядовъ.

Сильна Россія и всеславна
Ты при Романовыхъ Царяхъ,
Храбры, храбры они издавна
Въ твоемъ правленьи и въ войнахъ,
Имъ уничтожены всѣ злости
Досель грозящія тебѣ;
При нихъ въ тебѣ зарыты кости
Служившія наполеоновской судьбѣ.

Молись Россія, будь покойна
За Николаемъ отъ враговъ;
Служи и чести будь достойна.
Взгляни теперя на Князьевъ:
На Николая съ Михаиломъ, и потомъ
Молись, чтобъ Богъ ихъ съ высоты
Закрылъ Своимъ щитомъ,
А Царь на грудь достойно далъ Имъ
кресты.

Опи достойны бранной чести:
Храбры и хладнокровны:
Пускай же будутъ вмѣстѣ
Теперь они всѣ равны.
За васъ, великіе герои,
Мы всѣ въ минуту ополчимся,
Не уймутъ насъ вражескіи устои
И мы предъ свѣтомъ отличимся.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 22 января, 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи И. И. Глазунова и Комп.

— 2 —

РУССКОЙ СОЛДАТЪ.

СОЧ. Г. ѲЕДОРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

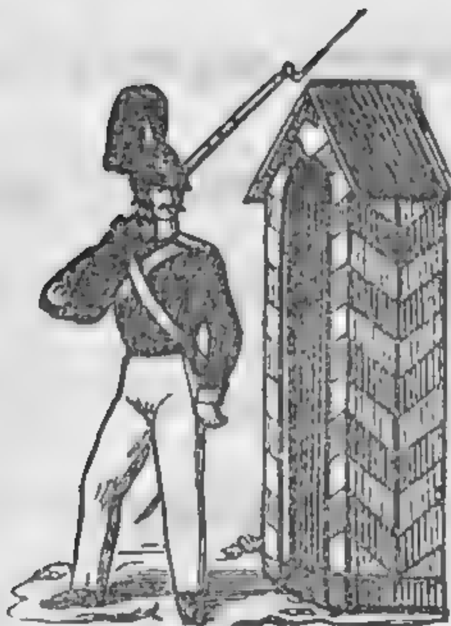
Печатано въ Типографіи Экбертсъ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 19 Декабря 1854 г.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

РУССКОЙ СОЛДАТЪ

Земляки и друзья,
Разскажу вамъ всѣмъ я,
Про—недавнюю битву,
Какъ я съ Туркомъ дрался,
И въ обманъ недался,
А сражался читая молитву.

—

Той порой Ахалцыхъ
Былъ спокоенъ и тихъ,
Вдругъ къ намъ Турки толпой повалили
А пришли въ торопяхъ,
За-орали Аллахъ;
И пѣхоту въ слѣдъ конныхъ тащили.

Я застрѣльщикомъ былъ,
И въ Виленскомъ служилъ
Въ храбромъ русскомъ полку, разудаломъ,
Вотъ мы ждемъ, да-стоимъ,
И враговъ сторожимъ—
Да—поемъ кукареку нахаламъ;

—

Вдругъ нелегкій несетъ,
Трехъ Алжирцевъ, впередъ;
Я смотрѣлъ, лютый врагъ наступаетъ,
Я стоялъ на краю
Думу думалъ свою;
А признаться—и дрожъ забираетъ,

—

Не отъ робости, нѣтъ;
Русскихъ знаетъ весь свѣтъ,
А враговъ проучить мнѣ хотѣлось,
Чтобъ въ другой бы ужъ разъ,
Побоялися насъ,
И стращать бы имъ насъ непосмѣлось,

—

Вотъ стою, и гляжу,
И враговъ сторожу,

Самъ ружье припасалъ боевое,
Потомъ живо впередъ;
Нашъ на трехъ ведь пойдетъ.
Побѣжалъ къ нимъ, кипитъ ретивое!
Какъ приблизился къ нимъ,
Стало боязно имъ,
Они живо назадъ отстранились,

—

Я-курокъ тутъ спустилъ,—
Пафъ - Алжирца убилъ,
Гляжу — ноги подъ нимъ подломились,
Гдѣ отъ пули уйти;
Хоть и птицей лѣти
А-догонитъ она, молодчину,

—

Мѣтилъ я такъ и сякъ,
А убилъ на вѣрнякъ,
Какъ стрѣлокъ, подглядѣвшій дичину,
Наша Русь велика,
И у Русскихъ рука,
Для враговъ говорятъ тяжеленька,

—

А на Турку — нагрянь!

Одного сбилъ—всѣ дрянь,
Принударится въ бегъ круговенько,
Одного застрѣлилъ,
А другому впустилъ
Спицу въ бокъ отъ булата лихого,

—

Всѣ бѣжать наровятъ,
Знаютъ Русскій обрядъ,
И боятся штыка боеваго
Вотъ какъ двухъ я свалилъ,
И на нихъ наступилъ,
Изъ руки не спуская булата,

—

Угораздился братъ,
Приловчилъ вновь прикладъ,
Остальнаго хватилъ супостата,
Вотъ и третей упалъ,
А ужъ братъ какъ стоналъ,
Стало жалко мнѣ душу чужую,

—

Я его прикололъ,
И скорѣе пошелъ,
Колотить ихъ толпу остальную,

Штыкъ родной не великъ,
А какъ ловко навыкъ,
Онъ работать сверкая грозою
То—то пиръ ему былъ,
Русскій штыкъ послужилъ.
Вражья кровь проливалась рекою,

—

Полкъ былъ въ Адскомъ огне,
Кровь кипела во мне,
Я непомнилъ себя для отчизны,
Много ранъ принялъ я,
Раны словно друзья,
Русь родная милее мне жизни.

РАЗГОВОРЪ.

Слушай дядюшка мой
Раскажи мнѣ родной
Турки что за—народъ,
Что за-нихъ сталъ въ оплотъ
Англичанинъ, Французъ?
Что за чудной Союзъ?
Что зоветъ Англичанъ

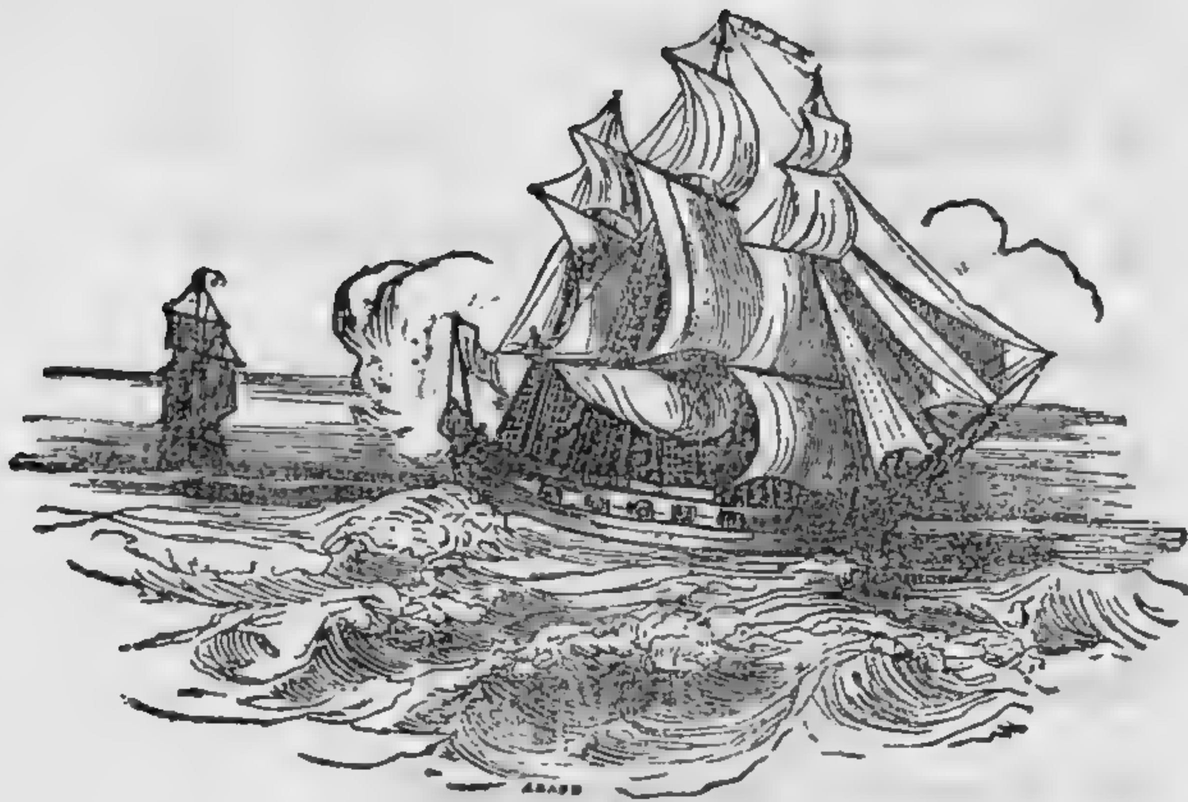
Защищать Бусурманъ?
За что Французовъ бранятъ,
И напомнить хотятъ
Имъ двѣнадцатый годъ?
Какъ нашъ русскій народъ
Ихъ тогда проучилъ,
Да въ Парижъ къ нимъ сходилъ?
— А вотъ давича мнѣ,
Говорили одни,
Да и дѣдка Панфилъ
Рѣчи тѣжъ говорилъ,
Что онъ слышалъ то-самъ
Турки не-христи намъ
Уступить бы не-прочь,
Да-имъ ладютъ помочь
Англичанинъ, Французъ,
Нечестивыхъ союзъ,
Чтобъ отъ нихъ же притомъ
Поживится добромъ,
Турокъ словно шальной,
А Французъ записной
Забіяка хвастунъ,
И въ реляціяхъ лгунъ—

Жадныхъ съ нимъ Англичанъ
Отуманилъ туманъ
Поднялись всѣ войной
Вотъ народецъ какой,
Бонапартъ первой былъ

Нашу Руссь невзлюбилъ
Горделивецъ такой
И пришелъ къ намъ войной,
Несъ угаръ въ головѣ,
И обжегся въ Москвѣ
Изъ Москвы мчался голъ—
Онъ залетный соколъ,
Англичанина—жъ его
Какъ врага своего,
Скоро цапъ, да царапъ
И пропалъ Бонапартъ?

Завезли же они
Его въ морѣ къ скалѣ
Гдѣ на дикой землѣ,
И окончилъ онъ дни.
А племянникъ теперь
Хоть ты вѣрь, хоть невѣрь,
Англичанамъ сталъ другъ
И задумали вдругъ
Вмѣстѣ съ Туркомъ союзъ?
Ай Французъ, ай Французъ?
Если Богъ намъ подастъ? —
Русь святая задастъ —
Имъ такого толчка
Что на славу стрѣчка
Тутъ они зададутъ
Во-свояси уйдутъ?
И гостей дорогихъ
Мы отпочуемъ ихъ,
И штыкомъ и пинкомъ
И роднымъ кулакомъ,
Право слово, что такъ
Имъ задастъ нашъ Руссакъ!

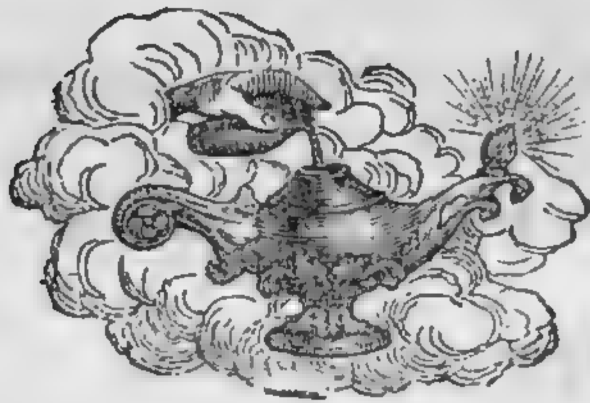
Врагъ, знаешъ ли, какъ Русская Держава
Всегда была могуча и сильна
Не про-нее ль молва летитъ и слава
Какъ Русь давно для недруговъ страшна
Она друзей въ годину бѣдъ спасала,
И отъ враговъ защиту имъ дала,
Нечестіе крамольниковъ карала
И тучею грозой для нихъ была
Но вотъ враги теперь разбушевались
И ей грозятъ могучей войной

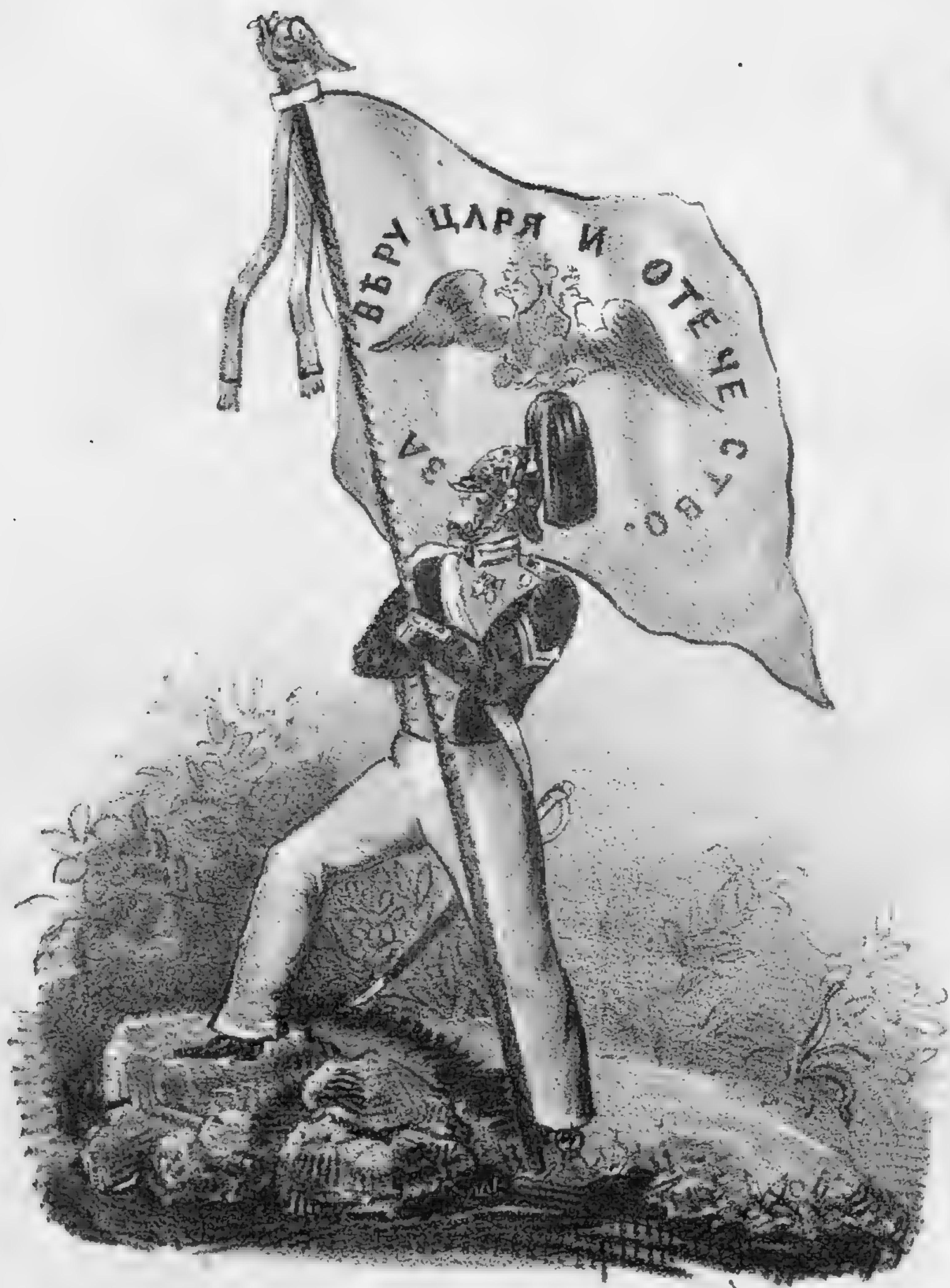
Какъ волны глядь на морѣ разыгрались,
Завидя въ далекѣ корабль большой
Но волны знать забыли, что могучѣй
Ихъ ярый бѣгъ вдругъ вбрызги обращалъ
Надъ ними шелъ грозою онъ летучей,
И имъ смѣясь, угрозы презиралъ
Безстрашный плылъ, и моремъ любовался,
И волны тѣ пятою онъ давилъ
Набѣга ихъ и бурь не опасался,
Извѣдавъ самъ своихъ всю крѣпость силъ,
Противниковъ Руссь знаетъ вѣроломство,
Враги ея бѣснуются давно,
Коварно съ ней вели они знакомство
Лишь потому, что нужно имъ оно!
Русь добрая.—за стекла и бездѣлья
На чистоту платила серебромъ,
И слала имъ и хлѣбъ и рукодѣлья,
Да-и-за зло, платила имъ добромъ
Такъ имъ ли слѣдъ, Руссь застращать святую

Не быть тому, небудетъ никогда

Накажетъ васъ Господь, за думу злую,

И наказать онъ можетъ за всѣгда.

Цѣна 25 к. сер.

